

ЭПИДЕМИЯ СКУЛШУТИНГА

Кто стоит у истоков школьной стрельбы

РОБЕРТ КИРК

ЭПИДЕМИЯ СКУЛШУТИНГА

Кто стоит у истоков школьной стрельбы

Роберт Кирк

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Эпидемия школьной стрельбы

Глава 2. Первородный грех: Как Рик Росс зажег огонь в Уэйко

Глава 3. Эхо Уэйко: Месть, взорвавшая Оклахома-Сити

Глава 4. Как Колумбайн стал бессмертным брендом террора

Глава 5. «Пазл-кодинг»: Как собирают разум убийцы

Глава 6. Биполярный триггер: Искусственное создание чувства превосходства

Глава 7. Новые фронты

Глава 8. План защиты нового поколения

Заключение

Список литературы

Глава 1. Эпидемия школьной стрельбы

Каждый день миллионы из нас совершают один и тот же простой, будничный ритуал. Мы застегиваем куртку на своем ребенке, проверяем, не забыл ли он сменную обувь, целуем его в макушку и говорим: «Удачи в школе». И закрываем за ним дверь. Это акт веры. Абсолютного, неявного доверия к миру. Мы верим, что через несколько часов эта дверь снова откроется, и он вернется — уставший, голодный, с новой двойкой или пятеркой в дневнике, с очередной ссорой или первой влюбленностью в сердце. Мы верим, что школа — это место, где он будет в безопасности. Место, где самое страшное, что может с ним случиться, — это несданный зачет по геометрии или насмешка одноклассника. Мы верили в это. Но что-то сломалось. Эта вера, этот незыблемый столп нашего родительского спокойствия, дала трещину. Теперь, закрывая дверь, многие из нас чувствуют, как внутри, где-то глубоко под ребрами, шевелится холодный, липкий страх. Страх, у которого есть имя. Короткое, хлесткое, как выстрел. Колумбайн.

Когда-то это слово казалось чем-то далеким, абстрактным, почти экзотическим. Страшной сказкой из-за океана, из другой, непонятной нам американской жизни. Мы смотрели репортажи из городка Литтлтон, качали головами, цокали языками и думали: «Ну, это у них там, в Америке. С их культом оружия, с их жестокими видеоиграми, с их голливудскими фильмами. У нас такого быть не может». Мы ошибались. Мы чудовищно, непростительно ошибались. Чума добралась и до нас. Она пересекла океан, мутировала, выучила наш язык и пришла в наши школы. Керчь. Казань. Пермь. Ижевск. Эти названия, когда-то мирные, географические, теперь стоят в одном ряду с Колумбайном, Сэнди-Хук, Парклендом. Они стали символами одной и той же боли, одного и того же невыносимого, оглушающего горя. Тихий ужас, сидевший где-то за океаном, теперь сидит за соседней партой с нашими детьми. И мы, отправляя их утром в школу, уже не можем быть уверены, что вечером они вернутся. Этот страх изменил нас. Он заставляет нас вчитываться в новостные сводки с замиранием сердца. Он заставляет нас вглядываться в лица одноклассников наших детей, пытаюсь угадать, в чьих глазах уже поселилось безумие. Он превратил самый естественный акт в мире — отправку ребенка за знаниями — в ежедневную, молчаливую игру на выживание.

И каждый раз, когда случается новая трагедия, мы задаем себе одни и те же вопросы. Почему? Как такое могло произойти? И услужливое информационное пространство тут же подсовывает нам готовые, удобные, как старые тапочки, ответы. Это все из-за буллинга, говорят одни. Мальчика травили, довели, вот он и сорвался.

Нужно учить детей быть добрее. Это все из-за доступности оружия, говорят другие. Запретить, ужесточить, отобрать! Не было бы ружья — не было бы и трагедии. Это все из-за компьютерных игр и жестоких фильмов, вздыхают третьи. Насмотрелся своей «стрелялки» и пошел воплощать в жизнь. Это все из-за неполных семей, из-за равнодушия учителей, из-за тлетворного влияния Запада, из-за нехватки духовных скреп... Мы жонглируем этими объяснениями, мы спорим, мы кричим, мы требуем. Мы делаем все, что угодно, лишь бы не смотреть в лицо настоящей, пугающей правде. А правда в том, что все это — ложь. Точнее, полуправда, которая, как известно, хуже любой лжи. Да, во многих случаях была и травля. Да, в руках у убийцы почти всегда было оружие. Да, многие из них играли в видеоигры. Но все это — лишь симптомы. Лишь инструменты. Лишь второстепенные, сопутствующие факторы. Это все равно что, расследуя серию загадочных смертей от отравления, сосредоточиться на изучении формы бокалов, из которых пили жертвы, и совершенно игнорировать тот факт, что в каждый из них был подмешан один и тот же яд. Эта книга — о яде. Она — о том, что школьные расстрелы, или, как их теперь принято называть, скулшутинги, — это не серия случайных, не связанных между собой трагедий, вызванных личными проблемами подростков. Это глобальная, управляемая эпидемия. Это одна, длинная, идеально исполненная спецоперация, растянутая на десятилетия. Это новая, доселе невиданная форма информационного терроризма, чья цель — не убийство конкретных людей, а разрушение всего нашего общества изнутри. Цель этой книги — доказать вам это. Побудить вас увидеть то, чего вы никогда не замечали. Показать вам невидимую руку, которая вкладывает оружие в руки подростков. Разобрать по винтикам механизм, который превращает обычных детей в послушных биороботов-убийц. Назвать имена тех, кто стоит за этим. И, в конечном счете, предложить план, как можно остановить эту войну. Но прежде чем мы начнем наше расследование, мы должны сделать один шаг. Мы должны отбросить эмоции, отложить в сторону привычные объяснения и посмотреть на сухие, бесстрастные цифры. Потому что именно цифры, в своей холодной, неотвратимой логике, первыми докажут вам: то, с чем мы имеем дело, — не случайность. Это система.

Когда мы говорим об эпидемии, мы имеем в виду не просто красивую метафору. Мы говорим о явлении, которое обладает всеми признаками вирусного заболевания: у него есть точка возникновения, инкубационный период, пути распространения и способность к синхронным вспышкам в разных, казалось бы, не связанных между собой популяциях. Статистика школьных расстрелов за последние три десятилетия — это и

есть медицинская карта этой болезни, разложенная перед нами во времени и пространстве. И первое, что бросается в глаза при взгляде на эту карту, — это то, что вирус давно вышел за пределы своего первоначального очага. Да, Соединенные Штаты по-прежнему остаются абсолютным, трагическим лидером по числу массовых убийств в учебных заведениях. Они были и остаются главным полигоном, инкубатором, где этот вирус был выведен, отточен и выпущен на свободу. С 1990-х годов, когда явление только начало оформляться, и по сегодняшний день, там произошли сотни инцидентов. Исследования показывают, что в период, например, с 2009 года в США произошло в 57 раз больше школьных расстрелов, чем во всех остальных странах «Большой семерки» вместе взятых. В 2018–2019 учебном году, еще до последней разрушительной волны, уже около ста тысяч американских школьников учились в зданиях, где происходила стрельба. Эти цифры ошеломляют, они парализуют волю. И они же создают обманчивое ощущение, что это где-то «там», за океаном. Но это уже давно не так. Вирус мутировал, научился пересекать границы, и сегодня география скулшутинга охватывает практически весь мир: Канада, Германия, Финляндия, Бразилия, Сербия, Чехия, Таиланд, Новая Зеландия. Десятки стран на всех континентах. Информационная зараза оказалась куда более всепроникающей, чем любой биологический патоген. И самый наглядный, самый драматичный пример этой глобализации — это история болезни в России.

Почти два десятилетия, российское информационное пространство обладало своего рода иммунитетом к этому вирусу. В 1990-е, когда в США уже гремели первые выстрелы, Россия, погруженная в собственные глубокие потрясения, оставалась в стороне. Единичные, спорадические инциденты, как, например, стрельба в школе города Камышина в 1997 году, были скорее криминальными разборками, не имевшими ничего общего с классическим, идеологически заряженным скулшутингом. В 2000-е годы, когда в США эпидемия уже набирала обороты после «Колумбайна», в России по-прежнему было тихо. Вирус, казалось, не мог пробить нашу культурную или ментальную защиту. Но в середине 2010-х годов все изменилось. Что-то щелкнуло. Иммунная система дала сбой. Первый по-настоящему тревожный звонок прозвенел 3 февраля 2014 года в московской школе № 263. Старшеклассник, вооруженный карабином и винтовкой, захватил в заложники своих одноклассников, убив учителя географии и сотрудника полиции. Это было уже не хулиганство. Это был акт, совершенный по всем канонам жанра, который к тому времени уже сложился на Западе. Но даже тогда это воспринималось как нечто из ряда вон выходящее, как трагическая

аномалия. Настоящая эпидемия началась позже. Она взорвалась практически одновременно, в 2018 году. Внезапно, почти без инкубационного периода, страну захлестнула волна атак. Улан-Удэ, Пермь, Стерлитамак, Шадринск, Вольск, Керчь... Названия городов замелькали в новостных лентах с пугающей частотой. Если с 2014 по 2018 год в России было зафиксировано чуть более полутора десятков инцидентов с применением насилия в школах, то начиная с 2018 года счет пошел на десятки. Атаки становились все более жестокими, все более продуманными, все более похожими на своих американских «прародителей». А параллельно с реальными атаками силовики начали сообщать о десятках, а затем и сотнях предотвращенных нападений. Это означало, что вирус не просто проник в страну. Он начал массово размножаться, заражая умы подростков от Калининграда до Владивостока. Произошла синхронная вспышка. И эта синхронность — самый главный аргумент против теории «случайных совпадений». Эпидемии не начинаются случайно и одновременно в десятках разных мест. Такой паттерн всегда указывает на наличие единого источника заражения и единого механизма распространения.

Давайте положим на воображаемый стол две истории болезни: американскую и российскую. Они поразительно похожи, но со сдвигом во времени. В США период с 1990 по 1999 год — это зарождение феномена, его кристаллизация. Трагедия в школе «Колумбайн» в 1999 году становится точкой сборки, создает тот самый смертоносный «бренд», который затем пойдет в массовое производство. Период с 2000 по 2017 год — это время распространения, когда вирус активно мутирует, находит новых носителей, оттачивает свои методы. Атаки становятся регулярными, но общество все еще пытается лечить их старыми средствами — запретами, психологическими беседами, рамками металлодетекторов. А затем, примерно с 2018 года, начинается новая фаза — экспоненциальный рост. Количество инцидентов в американских школах резко взлетает вверх, они происходят уже не раз в несколько месяцев, а чуть ли не каждую неделю. Теперь посмотрим на Россию. 1990-е и 2000-е — период затишья. Иммуитет работает. Затем, в 2014–2017 годах, появляются первые «завозные» случаи. Вирус начинает прощупывать почву, адаптироваться к новой среде. А с 2018 года — взрыв. Резкий, почти вертикальный рост числа атак, который поразительным образом синхронизируется с новой волной эпидемии в США. Это похоже на то, как если бы некая лаборатория сначала отработала технологию на одном полигоне, а затем, убедившись в ее эффективности, начала ее массовый экспорт и применение на новых территориях. Статистика не лжет. Она кричит нам в лицо: это не отдельные, независимые друг от

друга трагедии. Это скоординированные во времени и пространстве волны одной и той же эпидемии. Осознание этого факта заставляет нас полностью пересмотреть наш подход к проблеме. Если это не случайность, а система, то мы должны перестать искать причины в личных драмах подростков и начать искать того, кто управляет этой системой. Мы должны перестать смотреть на исполнителей и попытаться разглядеть заказчиков.

Это подводит нас к первому и главному тезису этой книги, который для многих может прозвучать шокирующе. Мы привыкли думать, что мотивы школьных стрелков лежат на поверхности: месть за обиды, желание прославиться, психическое расстройство. Мы видим в них либо жертв обстоятельств, либо безумных маньяков. Но что, если их личные, вполне реальные психологические проблемы и обиды — это лишь уязвимость, «входные ворота», которые используют для того, чтобы превратить их в оружие? Что, если настоящий мотив — не их? Настоящий мотив нужно искать не только в их дневниках, а в последствиях их деяний. А каковы последствия каждой громкой атаки? Вспомните, что происходит на следующий день после очередной бойни в школе, будь то в Техасе или в Татарстане. Общество впадает в состояние шока и паники. Начинается истерия в СМИ. И тут же, как по команде, на политическую авансцену выходят две силы. Одни начинают требовать тотального запрета оружия, другие — кричат, что для защиты нужно, наоборот, вооружить учителей. Начинается яростный, непримиримый спор, который раскалывает общество на два враждующих лагеря. Родители требуют от властей немедленных действий, обвиняя их в беззащитности. Власть, в свою очередь, использует этот общественный запрос как повод для «закручивания гаек»: вводятся новые ограничения, ужесточаются законы, расширяются полномочия спецслужб. Под предлогом защиты детей ограничиваются гражданские свободы всех остальных. Доверие к государству, которое не способно защитить самое святое — детей, падает. В обществе нарастает атмосфера страха, подозрительности и взаимной ненависти. А теперь задайте себе простой вопрос: кому это выгодно? Уж точно не убитому подростку-стрелку. Он — лишь одноразовый инструмент, расходный материал. Выгодополучателями становятся те силы, которые заинтересованы в дестабилизации, в хаосе, в расколе общества, в ослаблении государства. Именно поэтому скулшутинг в его современной, массовой форме — это не просто серия уголовных преступлений. Это технология. Это инструмент информационной войны, который используется для достижения вполне конкретных политических и социальных целей. Каждая атака — это не просто выстрел в детей. Это выстрел в социальную

стабильность, в общественное доверие, в сами основы государственности. Стрелок, идущий по школьному коридору, — это не мститель-одиночка. Это солдат, зачастую не осознающий этого, на невидимом фронте глобальной войны.

Это немедленно приводит нас ко второму, не менее важному тезису. Если скулшутинг — это технология, то где находится ее главное оружие? Мы привыкли думать, что оружие — это то, что стреляет, но в контексте скулшутинга это может быть не только пистолет, граната, но и нож, или любой другой инструмент, способный отнять жизнь. И все наши дебаты, все наши законодательные инициативы вращаются вокруг этого куска металла. Мы спорим, нужно ли запрещать продажу автоматов, как проверять владельцев оружия, с какого возраста можно выдавать лицензию. Мы ведем эту войну с железом, не понимая, что воюем с тенью. Потому что настоящее оружие в этой войне — не в рюкзаке у подростка. Оно в его голове. Физическое оружие, будь то помповое ружье, как в Казани, или охотничий карабин, как в Москве, или даже просто нож, как это часто бывает в Европе, — это лишь инструмент. Средство доставки. Вторичный механизм. Конечно, от его типа зависит количество жертв, но не сам факт атаки. Если у человека в голове уже созрел и кристаллизовался приказ на убийство, он найдет способ его исполнить. Не будет ружья — он возьмет нож. Не будет ножа — он сделает бомбу, инструкции по изготовлению которой лежат в открытом доступе в интернете. Или просто сядет за руль автомобиля и направит его в толпу. Мы яростно спорим о том, можно ли давать обезьяне гранату, не замечая главного: кто и зачем вообще вложил в ее лапу эту гранату и научил выдергивать чеку? Мы, как в плохом детективе, бегаем за радиоуправляемой машинкой, разбившую вазу, и яростно ее ломаем, вместо того чтобы посмотреть, кто держит в руках пульт управления. Первичное, главное и самое страшное оружие в этой войне — это не дробовик. Это технология психологического воздействия. Технология, которая способна взломать сознание подростка, обойти его критическое мышление и загрузить в его подсознание чужую, смертоносную программу. Эта технология называется «пазл-кодинг». Суть ее проста и дьявольски эффективна. Сознание подростка — это пустая доска. Архитекторы атаки, зная уязвимости этой возрастной группы — жажду признания, неконформизм, склонность к риску, — начинают через разные каналы (соцсети, музыку, фильмы, игры) подбрасывать ему отдельные, казалось бы, не связанные между собой информационные «пазлы». Один «пазл» — героизация насилия. Другой — культ посмертной славы.

Третий — идея о никчемности человеческой жизни. Четвертый — образ врага в лице «тупых обывателей». Эти «пазлы» оседают в подсознании и постепенно, незаметно

для самого подростка, начинают складываться в единую, целостную картину. В центре этой картины — образ будущего преступления, который становится для него навязчивой, доминирующей идеей. Он начинает искренне верить, что мысль устроить бойню в школе — его собственная, гениальная, выстраданная идея. Он не понимает, что он — всего лишь биоробот, исполнитель чужой воли. Он идеальный солдат: он мотивирован, он готов умереть за идею, и, самое главное, он никогда не сможет выдать своих настоящих командиров, потому что он их не знает. Он даже не подозревает об их существовании. Одним из ключевых побочных эффектов этого кодирования, как мы покажем в соответствующей главе, является искусственное создание у подростка состояния – биполярное аффективное расстройство. Внедренная программа вступает в жесточайший конфликт с остатками его собственной личности, с его воспитанием, с его моральными установками. Этот невыносимый внутренний диссонанс раскачивает маятник его психики. Он то проваливается в бездну депрессии, ненависти к себе и мыслей о суициде, то взмывает на пик эйфорической мании величия, ощущая себя сверхчеловеком, богом, имеющим право вершить судьбы «недостойных людишек», симптом – «биполярный триггер». Именно эта маниакальная фаза, это искусственно вызванное чувство превосходства, и становится тем психологическим топливом, той энергией, которая необходима для совершения массового убийства. Она снимает все внутренние тормоза — страх, сострадание, чувство вины. Она превращает запуганного подростка в хладнокровного палача. Понимание этого механизма полностью меняет оптику. Оно заставляет нас перестать искать «плохие гены» или «психические отклонения» у стрелков. Они не всегда рождаются безумцами. Их в это состояние вводят. Их сознание программируют, а психику — ломают. Целенаправленно. И пока мы не научимся распознавать и блокировать эту технологию кодирования, мы так и будем продолжать бороться с ее последствиями — с детьми, несущими в школу оружие.

Итак, картина, которая перед нами вырисовывается, проста и чудовищна. Мы имеем дело не с серией трагических случайностей, а с глобальной, управляемой эпидемией информационного терроризма. Эпидемией, которая использует изощренную технологию психологического кодирования для превращения уязвимых подростков в одноразовое оружие, направленное на дестабилизацию наших обществ. Если это так, если это действительно одна, длинная, многоэтапная спецоперация, то у нее должно быть начало. Должна быть точка отсчета. Должна быть та самая первая костяшка домино, падение которой запустило всю эту цепную реакцию смерти. Где она? Когда и где был посеян этот вирус? Первое, что приходит на ум, — конечно же, Колумбайн. Ведь

именно эта трагедия дала название всему явлению, стала его символом, его жутким, кровавым брендом. Именно после нее началось вирусное распространение «культы школьных стрелков» по всему миру. Логично предположить, что исток находится там, в школьной библиотеке Литтлтона, 20 апреля 1999 года. Но это ошибка. Это самая распространенная и самая опасная ошибка, которую мы можем совершить в этом расследовании. Колумбайн был не началом. Он был лишь громким, оглушительным эхом. Он был не источником вируса, а его первым по-настоящему успешным «нулевым пациентом» — носителем, который обеспечил пандемическое распространение уже существующей заразы. Сама болезнь родилась раньше. Чтобы найти ее истинный исток, мы должны отмотать пленку еще дальше назад. Мы должны отправиться не в благополучный пригород Колорадо, а на выжженную солнцем, пыльную землю Техаса. В место, о котором многие уже забыли, но пепел которого, как радиоактивная пыль, до сих пор отравляет наш мир. Мы должны вернуться в 1993 год, к дымящимся руинам ранчо «Маунт Кармел». Мы должны вернуться в Уэйко. Именно там, в дыму и пламени пожара, поглотившего религиозную общину «Ветвь Давидова», мы найдем того, кто первым опробовал и отточил технологию дегуманизации. Того, кто своим словом, своей ложью и своими манипуляциями превратил сложный конфликт в кровавую бойню. Того, кто с холодным расчетом, создал миф о «мучениках Уэйко» и тем самым породил первого мстителя — террориста из Оклахома-Сити. А тот, в свою очередь, стал кумиром и образцом для подражания для подростков из «Колумбайна». Это была одна, неразрывная цепь. И чтобы понять, как она работает, мы должны изучить ее самое первое, ключевое звено. Мы должны найти и изучить архитектора катастрофы в Уэйко. Человека, который, является настоящим «нулевым пациентом» всей этой эпидемии. Его имя — антикультист Рик Алан Росс. И его история — это следующая глава нашего расследования.

Глава 2. Первородный грех: Как Рик Росс зажег огонь в Уэйко

Яркое, безжалостное техасское солнце отражается в моем зеркале заднего вида, когда я сворачиваю с шоссе на пыльную проселочную дорогу. Воздух густой, тяжелый, пропитанный запахом горячей пыли и чего-то еще. Чего-то старого. Призрачного. Я еду в эпицентр землетрясения, которое до сих пор сотрясает Америку. Я еду в Уэйко. Не в сам город, а к месту, которое носит его имя, как клеймо. К месту, где когда-то стояло ранчо «Маунт Кармел». Сегодня здесь нет ничего, кроме выжженной земли, нескольких скромных памятников и маленькой, до смешного неуместной часовни, построенной на пепелище. Но если прислушаться, если дать волю воображению, можно почти услышать гул вертолетов, треск пламени и крики. Крики семидесяти шести человек, заживо сгоревших здесь 19 апреля 1993 года. Среди них было больше двадцати детей. Это место — не просто точка на карте. Это рана. Это исходный код вируса, который шесть лет спустя мутирует и вырвется на свободу в школьной библиотеке «Колумбайна». Чтобы понять, как работает эта болезнь сегодня, чтобы осознать, почему подростки по всему миру до сих пор берут в руки оружие и идут убивать своих одноклассников, мы должны вернуться сюда. На эту выжженную техасскую землю. Мы должны провести исследование и изучить каждый обугленный кусок этой истории. Потому что именно здесь, в пепле «Маунт Кармел», был зачат тот монстр, та идея, которая привела к Оклахома-Сити, а затем и к «Колумбайну». И эта глава — не повторение общеизвестных фактов. Мы не будем в сотый раз пересказывать историю Дэвида Кореша. Наша цель — вскрыть закулисный механизм этой трагедии. Найти и назвать имя того, кто, стоя в тени, поднес спичку к фитилю. И я докажу вам, что имя этого человека — Рик Алан Росс. И что без него, без его целенаправленной, холодной и расчетливой информационной войны, всего этого кошмара могло бы и не быть.

Давайте на минуту вернемся в 1993 год и вспомним, какую историю нам тогда продали. Это была простая и понятная сказка для взрослых. В ней был злой колдун — харизматичный, но безумный лидер секты Дэвид Кореш, объявивший себя новым мессией. Нам говорили, что он был параноиком, который готовился к Армагеддону и для этого незаконно накопил целый арсенал оружия, способный вооружить небольшую армию. В этой сказке были и доблестные рыцари — агенты Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (ATF), а затем и ФБР. Их миссия была

благородной: спасти несчастных детей из лап монстра и пресечь его незаконную деятельность. Осада ранчо, по этой версии, была вынужденной мерой. А финальный акт трагедии — чудовищный пожар, в котором погибли все, кто был внутри — был представлен как логичный финал. Фанатики, доведенные до исступления своим лидером, совершили массовое самоубийство, предпочтя смерть в огне сдаче «вавилонским воинам», как они называли федералов. Удобная история, не правда ли? Она все расставляет по своим местам. Есть абсолютное зло — «культ». И есть абсолютное добро — антикультисты, которое пыталось с этим злом бороться. Миллионы американцев, прильнувшие к экранам телевизоров, приняли эту версию без особых вопросов. Она была логична. Она была проста. И она была ложью от первого до последнего слова. Были ли «давидиане» теми монстрами, какими их рисовали? Готовились ли они к массовому суициду? Или же этот образ был создан искусственно, чтобы оправдать беспрецедентную по своей жестокости военную операцию против гражданских лиц, против женщин и детей? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны отмотать пленку еще немного назад и посмотреть, кто и как создавал этот образ. И вот тут, в центре информационной паутины, мы и обнаруживаем нашего главного героя. Человека, который представился Америке как главный эксперт по антикультизму — Рик Алан Росс.

Он позиционировал себя как «эксперт по культам», «консультант по выходу», а проще говоря — «депрограммер». Его миссия, как он сам ее описывал, была благородной: спасать людей, попавших в лапы деструктивных сект. Он основал «Институт изучения культов», который собирал досье на сотни религиозных групп по всей Америке. Его приглашали в качестве эксперта в суды. Он консультировал ФБР и ATF. Его цитировали ведущие газеты, он выступал на телевидении, объясняя миллионам зрителей, как распознать «сектантов» и чем опасны «новые религиозные движения». Он был голосом разума и авторитета в мире, напуганном историями о Чарли Мэнсоне и массовом самоубийстве в Джонстауне. Он был тем, кто отделял «нормальную» религию от «опасного культа». И когда на горизонте появился Дэвид Кореш, именно Росс стал главным толкователем его действий, главным прокурором и, в конечном счете, главным палачом. Он был тем, кто нарисовал на спинах «давидиан» мишень. Но давайте на минуту отвлечемся от его сияющего публичного образа и заглянем в документы. Кто же такой на самом деле этот мистер Росс? Кем он был до того, как стал главным борцом с сектами в Америке? Биография нашего героя оказывается куда интереснее, чем он сам хотел бы признавать. Начнем с того, что «эксперт» Рик Росс не имел ровным счетом

никакого профильного образования. Ни в области теологии, ни в религиоведении, ни в психологии. Ничего. Его экспертиза была основана исключительно на его личном опыте и, как мы увидим дальше, на весьма специфических талантах.

Его путь к «депрограммированию» начался не в университетской аудитории, а на скамье подсудимых. В 1974 году, в возрасте 22 лет, молодой Рик Алан Росс был осужден за попытку кражи со взломом. Условный срок. Год спустя, в 1975-м, новое дело — куда более серьезное. На этот раз его признали виновным в соучастии в крупной махинации с драгоценностями. Снова условный срок, на этот раз на пять лет. Сам Росс позже спишет это на «ошибки молодости». Но факт остается фактом: человек, который будет учить всю страну отличать правду от лжи, а добро от зла, сам имел, мягко говоря, гибкие представления о законе. В 1983 году судимости с него сняли, и он начал жизнь с чистого листа. Но привычка решать проблемы, скажем так, неконвенциональными методами, никуда не делась. Она просто нашла новое, куда более респектабельное и прибыльное применение. Он стал «депрограммером».

Что это вообще такое — «депрограммирование» в исполнении Рика Росса? Звучит научно, почти медицински. Будто речь идет об удалении вируса из компьютерной системы. На деле же это было нечто среднее между похищением человека и сеансом гестаповского допроса. Самый громкий случай, который проливает свет на его методы, — это дело Джейсона Скотта. В 1991 году 18-летний Джейсон, член Объединенной пятидесятнической церкви (группы, которую Росс и его соратники считали «культом»), был похищен по заказу собственной матери. Похитители, среди которых был и Росс, удерживали его в течение пяти дней. Его приковывали наручниками, заклеивали рот скотчем, лишали сна и подвергали многочасовым «сеансам», во время которых Росс пытался сломить его волю и заставить отречься от своей веры. Это было прямое, грубое насилие — физическое и психологическое. Позже Скотт подал в суд. Хотя по уголовному делу о похищении Росса оправдали присяжные, гражданский иск он проиграл с треском. Суд признал его и его сообщников, а также организацию Cult Awareness Network (CAN), которая и свела его с матерью Скотта, виновными в заговоре с целью лишения человека его гражданских и религиозных прав. Присужденная компенсация в несколько миллионов долларов привела к банкротству и самой CAN, и лично Рика Росса. Вот он, истинный портрет нашего «эксперта». Человек с криминальным прошлым. Человек, чьи методы работы включали похищение, незаконное удержание и психологическое насилие. Человек, признанный судом виновным в нарушении фундаментальных прав гражданина. И вот этот самый человек

в 1993 году становится главным консультантом ФБР, ATF и всей американской прессы по делу «Ветви Давидовой». Это не просто ирония. Это диагноз системе. Системе, которая в своей борьбе с мнимым «злом» готова была опереться на зло вполне реальное и доказанное. Именно этот человек получил от государства и общества карт-бланш. Мандат на то, чтобы решать, кто является опасным фанатиком, а кто — просто верующим. И он этим мандатом воспользовался сполна.

Итак, мы установили, кто такой Рик Росс. Теперь давайте посмотрим, как именно он действовал. Его война против «Ветви Давидовой» была классической информационной спецоперацией, разыгранной как по нотам. Она состояла из трех основных этапов: создание повода для войны (*casus belli*), прямое консультирование силовых структур и тотальный контроль над медийным нарративом. Первый этап начался задолго до первого выстрела. Росс и его союзники из Cult Awareness Network (CAN), организации, которая по сути была коммерческим предприятием, зарабатывавшим на страхе перед «сектами», начали методично собирать и распространять негативную информацию о Дэвиде Кореше и его общине. Они действовали как профессиональные политехнологи, формируя образ врага. Кульминацией этой подготовительной работы стала серия статей под названием «Грешный Мессия» (*The Sinful Messiah*), которая начала выходить в местной газете Waco Tribune-Herald с 27 февраля 1993 года. Запомните эту дату. Это было за день до первого, провального штурма ранчо. Газета, ссылаясь на «многочисленные источники» и «бывших членов культа», рисовала леденящую кровь картину. Истории о сексуальном рабстве, избиениях детей, складах с пулеметами и гранатами, о сумасшедшем лидере, готовящем своих последователей к самоубийственной войне с миром. Как позже показали расследования, главным источником и идейным вдохновителем этой серии был именно Рик Росс. Это была его информация, его интерпретации, его нарратив. Он не просто давал комментарии. Он создавал реальность. Реальность, в которой «давидиане» были не просто людьми с неортодоксальными взглядами, а абсолютным злом, нелюдьми. Это была медийная артподготовка, идеально рассчитанная по времени. Она должна была создать в обществе и, что еще важнее, у правоохранителей ощущение надвигающейся катастрофы, которая требует немедленных и решительных действий. И она сработала.

Второй этап — это прямое сотрудничество с силовыми структурами. Рик Росс не был просто говорящей головой из телевизора. Он был активным участником событий. Он консультировал агентов ATF еще до рейда 28 февраля. Его рассказы о «вооруженных

до зубов фанатиках» и «крепости, готовой к осаде», повлияли на планирование силовой операции. Вместо того чтобы попытаться арестовать Кореша в один из его визитов в город (что было бы куда проще и безопаснее), было принято решение устроить показательный штурм с участием десятков агентов, вертолетов и телекамер. Результат известен: рейд провалился, началась перестрелка, погибли люди с обеих сторон, и ситуация мгновенно перешла в стадию вооруженного противостояния. Точка невозврата была пройдена. После этого руководство операцией перешло к ФБР, и Росс продолжил свою «консультационную» деятельность. Официально, как гласят отчеты Департамента юстиции, ФБР «не воспользовалось» многими его советами во время самой осады. Но это лукавая формулировка. Работа Росса уже была сделана.

Он заложил парадигму, вбив в головы переговорщиков и командиров одну простую мысль: вы имеете дело не с людьми, а с безумцами, запрограммированными на суицид, и с такими переговоры — пустая трата времени. Росс активно продвигал идею о том, что Кореш готовит массовое самоубийство по примеру Джонстауна, а любые попытки Кореша пойти на диалог, любые его теологические рассуждения он и другие «эксперты» интерпретировали как уловки и затягивание времени. Один из его конкретных советов ФБР был верхом цинизма и манипуляции: попытаться публично унижить Кореша, чтобы «вбить клин» между ним и его последователями (Министерство юстиции США, 1993:129), основываясь на версии о массовом самоубийстве. Это была стратегия не на спасение, а на разрушение, не на диалог, а на эскалацию. Вместе с Марком Бро (Marc Breault) — бывшим членом “Ветви Давидовой” и репортёрами из Уэйко Росс продолжал распространять тезис о массовом самоубийстве. Однако агенты ФБР не отстранили Рика Росса от участия в операции — напротив, они решили привлечь ещё одного специалиста из России. Эксперты из Центра по борьбе с терроризмом ФБР тайно встретились в Арлингтоне, штат Вирджиния, с Игорем Смирновым, замеченным в применении антикультовой риторики и известным своей работой в Научно-исследовательском институте поведенческих исследований КГБ, где он разрабатывал методы психологической войны (этот факт не обсуждался в расследованиях Конгресса, и федеральные агенты не раскрыли его Комиссии Министерства финансов США). Нэнси Т. Аммерман писала, что не может объяснить тактику психологической войны, применённую федеральными агентами против американских граждан в комплексе: «Неясно, кто из этих консультантов рекомендовал тактику психологической войны (тибетские песнопения, звуки умирающих кроликов, рок-музыка, прожекторы, зависание вертолёт и т. д.). Никто из сотрудников Национального центра анализа

насильственных преступлений ФБР, с кем я разговаривала, не утверждал, что поддерживал использование этих методов, но при этом никто не был готов сказать, кто их предложил или как было принято решение об их применении». Смирнов разрабатывал концепции вроде «психокоррекции» — применения скрытых сообщений для изменения воли субъекта или модификации его личности без его ведома. Федеральные агенты намеревались использовать его техники для разрешения ситуации в Уэйко: во время переговоров передавать зашифрованные послания от родственников последователей Дэвида Кореша, которые бы обходили критическое восприятие и напрямую внедрялись в подсознание, побуждая людей покинуть здание. Для самого Кореша планировалось использовать особый голос — якобы голос Бога, записанный актёром (ФБР обратилось к Чарльтону Хестону, который это сделал). Однако на вопрос, что случится, если подсознательные сигналы не сработают как задумано, Смирнов ответил, что последователи могут перерезать друг другу глотки, совершив акты фатального насилия.

Согласно официальной версии, ФБР отказалось от услуг Игоря Смирнова после его предупреждения о возможных актах фатального насилия, если его подсознательные сигналы не сработают, но давайте сложим факты воедино. На одной из пресс-конференций представитель ФБР заявил, что в переговорах с Дэвидом Корешем было достигнуто соглашение о мирном выходе людей, но Кореш внезапно передумал, утверждая, что услышал голос Бога, повелевший ему остаться и ждать. Этот факт «странным образом» совпадает с планом Смирнова, предполагавшим использование записанного «голоса Бога» для убеждения Кореша сдаться, но эффект оказался прямо противоположным. Смирнов разрабатывал манипулятивные техники, внедряя скрытые команды в обработанные записи, которые технически маскировались, чтобы сознание их не улавливало. Эти команды проникали в подсознание, побуждая выполнять их как собственные решения, а для неподготовленного уха звучали как визг свиней. Во время 51-дневной осады Уэйко ФБР применяло методы психологического давления, включая громкие раздражающие звуки: официальные отчёты и свидетельства очевидцев подтверждают трансляцию звуков забоя животных, таких как крики умирающих кроликов, что невольно напоминает эксперименты Смирнова по контролю сознания.

И вот наступает кульминация. 19 апреля 1993 года. После 51 дня бесплодной осады генеральный прокурор Джанет Рино, под давлением ФБР, отдает приказ о штурме. Официальная причина — опасения, что внутри жестоко обращаются с детьми, и ухудшение санитарных условий. Но истинная причина была в другом: осада зашла в

тупик, и силовикам нужно было «решить» проблему. В 6 часов утра два модифицированных боевых танка начинают методично проламывать тонкие деревянные стены комплекса. В проломы вставляют длинные шланги, через которые внутрь закачивается огромное количество слезоточивого газа CS. Газ, который запрещен международными конвенциями для использования в военных действиях, но который почему-то сочли приемлемым для применения против гражданских лиц, среди которых находились два десятка детей, в том числе младенцы. Цель — выкурить людей наружу. Но это не сработало. Измученные, напуганные, ослепленные газом люди остались внутри. А около полудня случилось то, что должно было случиться. В нескольких местах одновременно вспыхнул пожар. Сухое деревянное здание, продуваемое сильным техасским ветром, загорелось как спичка. Огонь распространялся с чудовищной скоростью. Те, кто пытался выбраться, либо гибли в огне, либо, по некоторым свидетельствам, попадали под обстрел. Пожарные машины, стоявшие неподалеку, не были допущены к тушению, пока здание не сгорело дотла.

Параллельно с этим Рик Росс вёл свою войну в прямом эфире, выступая платным консультантом и аналитиком на телеканале CBS. Человек с судимостями, без образования, обвинявшийся в похищении, стал главным экспертом ведущего телеканала страны, формируя язык, которым Америка говорила и думала о Уэйко. Каждое его слово и «анализ» работали на оправдание действий властей и дегуманизацию осаждённых, превращая трагедию в реалити-шоу с «хорошими парнями» (федералами) и «плохими парнями» (сектантами). Миллионы американцев видели события его глазами, впитывали его термины и верили его прогнозам. Когда всё закончилось пожаром и десятками трупов, у них уже был готовый ответ, вложенный Россом: «Фанатики совершили самоубийство. Власти сделали всё, что могли». Информационная операция завершилась успехом, похоронив правду под пеплом «Маунт Кармел» вместе с телами его обитателей. Однако остаётся вопрос: какова была истинная цель плана, предложенного экс-сотрудником КГБ американским агентствам как окончательное решение проблемы «опасного культа»? Какие скрытые директивы передавались через эти звуки и кто был их настоящей мишенью? Известно, что звуки могли повлиять не только на членов «Ветви Давидовой», но и на сотрудников правоохранительных органов. Более того, Тимоти Маквей, устроивший теракт в Оклахома-Сити, посетил место событий в 1993 году в поддержку осаждённых и, скорее всего, слышал эти звуки. Позже он взорвал здание ФБР и ATF в отместку за Уэйко, став, жертвой антикультовой

программной обработки на нескольких уровнях, сформированных волнами глобального антикультизма.

Все было кончено. Спектакль завершился. Осада не была серией ошибок. Это была последовательная, шаг за шагом, реализация сценария, написанного антикультистами. Сценария, где финал был предопределен с самого начала: «опасный культ» должен быть уничтожен. Инферно. Другого слова для описания того, что произошло 19 апреля, не подберешь. В огне, дыму и под обломками рухнувших конструкций погибли 76 человек. Мужчины, женщины. И дети. Дети, которых якобы спасали. Младенцы, задохнувшиеся от газа в руках своих матерей еще до того, как их поглотило пламя. Эта бойня стала одним из самых позорных эпизодов в современной истории американских правоохранительных органов.

Ответственность за их смерть лежит на тех, кто создал информационный кокон, в котором эта бойня стала не только возможной, но и логичной. На Рике Россе и его подельниках. Но самое страшное началось потом. Трагедия не стала уроком. Она не привела к покаянию. Она породила миф. Этот прецедент пошатнул демократию в США и надежду граждан в защиту народа, выставив правительство не защитником, а напротив — убийцей невинных граждан Америки. Этот прецедент вызвал волну возмущения, которая переросла в войну возмущенных. Для значительной части американского общества, особенно для правых радикалов, либертарианцев и противников федерального правительства, погибшие в Уэйко стали не «сектантами», а «мучениками». Символом борьбы свободных граждан против тирании государства. Дэвид Кореш из «грешного мессии» превратился в икону сопротивления. И этот миф оказался куда опаснее любого культа. Он требовал мести. И мститель не заставил себя ждать. Его звали Тимоти Маквей. Для него, ветерана войны в Персидском заливе, то, что произошло в Уэйко, было не просто трагедией. Это было предательством. Убийством невинных, совершенным правительством, которому он когда-то присягал. И он решил ответить. Ответить так, чтобы содрогнулась вся Америка. Уэйко породило своего ангела мщения. И этот ангел вел грузовик, доверху набитый взрывчаткой. Об этом — наш следующий разговор.

Глава 3. Эхо Уэйко: Месть, взорвавшая Оклахома-Сити

Говорят, огонь не оставляет после себя ничего, кроме пепла. Это ложь. Огонь, поглотивший ранчо «Маунт Кармел» 19 апреля 1993 года, оставил после себя нечто куда более опасное, чем пепел. Он оставил идею. Призрак. И этот призрак, рожденный в дыму от сгоревших тел женщин и детей, требовал отмщения. В тот день, когда обугленные балки рухнули, похоронив под собой официальную версию о «массовом самоубийстве сектантов», в Америке родилась новая религия. Религия ненависти к собственному правительству. И как у всякой религии, у нее появились свои святые места, свои мученики и свои пророки. Выжженная земля в тexasской глуши стала местом паломничества. Туда съезжались не зеваки. Туда ехали те, кто видел в действиях ФБР не спасательную операцию, а акт государственного терроризма. Те, для кого погибшие «давидиане» были не безумными фанатиками, а свободными гражданами, растоптанными сапогом федеральной машины. В этой среде, пропитанной запахом пороха, теориями заговора и праведным гневом, слова Рика Росса и его информационная война, о которой мы говорили в прошлой главе, не имели никакого значения. Для них все было просто: правительство убило своих граждан. А на такое зло можно ответить только другим злом. Большим. Чтобы услышали все. И среди тех, кто вдыхал этот ядовитый воздух, был один молодой человек. Тихий, незаметный, с коротким ежиком волос и холодным, внимательным взглядом. Он тоже приехал в Уэйко. Но он приехал не скорбеть.

Он приехал учиться. Он стоял там, среди таких же, как он, озлобленных и разочарованных, и в его голове пожар «Маунт Кармел» сливался с другими пожарами, которые он видел. С пожарами войны в Персидском заливе, где он, когда-то идеалист и патриот, впервые понял, что правительство лжет. Он не понимал, что правительством манипулируют антикультура группировка, стремящиеся дестабилизировать общество и уничтожить демократию. Он видел то, что видел, не осознавая, что стал лишь марионеткой в плане антикультуристов. Он смотрел на пепелище и видел не конец истории, а ее начало. Начало своей личной войны. Его звали Тимоти Маквей. И он был тем самым мстителем, которого породил Уэйко. Мстителем, который через два года сядет за руль желтого фургона фирмы Ryder, доверху набитого смертью, и направит его в самое сердце того, что он считал вселенским злом. Этот разговор — о нем. О том, как

пожар, зажженный в Уэйко, перекинулся на его душу и превратился во взрыв, который навсегда изменил Америку.

Тимоти Маквей не был маргиналом или неудачником в классическом смысле слова. Он был плоть от плоти той самой Америки, которую решил уничтожить. Выросший в маленьком городке Пендлтон, штат Нью-Йорк, он был обычным парнем. Умным, но тихим, замкнутым. Его мир рухнул, когда развелись родители, и он, оставшись с отцом, еще глубже ушел в себя. Единственным его настоящим увлечением, его страстью, было оружие. Отец научил его стрелять, и в этом мире пороха, металла и точных выстрелов юный Тим нашел порядок и смысл, которых ему так не хватало в хаосе семейной жизни. Он мог часами чистить винтовку, изучать баллистику, оттачивать мастерство на стрельбище. Оружие давало ему чувство контроля. Чувство силы. Это было единственное, что никогда его не предавало. Неудивительно, что после школы он нашел себя в армии. И армия, поначалу, стала для него идеальным домом. Здесь царил порядок, дисциплина, ясная иерархия. Здесь его любовь к оружию была не странностью, а достоинством. Он оказался блестящим солдатом. Лучшим стрелком в своем подразделении. Во время операции «Буря в пустыне» он служил наводчиком боевой машины «Брэдли» и проявил себя как хладнокровный и эффективный боец. За свои заслуги он был награжден «Бронзовой звездой». Он верил в армию. Он верил в Америку. Он верил, что защищает правое дело. Он мечтал о карьере в спецназе, в «Зеленых беретах». Это была вершина, Олимп для такого, как он. Но именно здесь, на пороге своей мечты, система, которую он боготворил, дала сбой. Он провалил изнурительный отборочный курс. Физически и психологически он был сломлен. Это был не просто провал. Это было крушение всего его мира. Армия, его единственная настоящая семья, его отвергла. Вернувшись к гражданской жизни, он оказался в пустоте. Он был героем войны, но стране не было до него дела. Он скитался с места на место, перебиваясь случайными заработками, и с каждым днем в нем росло глухое раздражение. Он видел, как правительство повышает налоги, как политики лгут, как бюрократы душат малый бизнес. Он видел, что та Америка, за которую он воевал, исчезает. Ее подменяет какая-то другая, враждебная, тираническая сущность, которую он начал называть просто — ZOG, Zionist Occupied Government. Сионистское оккупационное правительство. Этот термин он почерпнул из литературы, которая все больше и больше заполняла его пустоту.

Именно в этот момент, в момент экзистенциального вакуума и нарастающей ненависти, ему в руки попала книга. Маленькая, неказистая книжица в мягкой обложке,

которую можно было купить на любом оружейном шоу за пару долларов. Она называлась «Дневники Тернера». И она стала его Библией. Его откровением. Я не могу переоценить влияние этой книги на Маквея и на все то, что произошло потом. Написанная в 1978 году Уильямом Лютером Пирсом, лидером неонацистской организации «Национальный альянс», под псевдонимом Эндрю Макдональд, эта книга — не просто роман. Это манифест. Инструкция по развязыванию расовой войны и уничтожению федерального правительства США. Главный герой, Эрл Тернер, член подпольной расистской «Организации», ведет дневник, в котором описывает, как его группа начинает партизанскую войну против системы. Книга полна отвратительных сцен насилия, расизма и антисемитизма. Но для человека с мировоззрением Маквея она была источником вдохновения. А один эпизод стал для него настоящим озарением. В нем описывается, как «Организация» совершает свой первый крупный теракт. Они начиняют фургон для доставки удобрений смесью аммиачной селитры и мазута и взрывают его у штаб-квартиры ФБР в Вашингтоне. Звучит знакомо, не правда ли? «Дневники Тернера» дали Маквею не только идеологическое оправдание его ненависти. Они дали ему готовый сценарий. План действий. Они показали ему, что одиночка, простой парень вроде него, может бросить вызов всей системе и нанести ей сокрушительный удар. Он носил эту книгу с собой повсюду. Он зачитывал из нее отрывки своим немногочисленным друзьям. Он продавал ее на оружейных ярмарках, пытаясь «разбудить» других. Он верил в нее, как верят в священное писание. И когда в новостях замелькали кадры из Уэйко — осада, танки, агенты ATF и ФБР в черной форме — для него все сошлось. Это были не просто новости. Это была иллюстрация к его любимой книге. «Вавилонские воины» из проповедей Кореша и агенты ZOG из «Дневников Тернера» слились в его сознании в единый образ абсолютного врага. Он сел в свою старую машину и поехал в Техас. Он должен был увидеть это своими глазами. То, что он увидел, — вооруженные до зубов федералы против группы людей с детьми, запертых на ранчо, — лишь укрепило его в своей правоте. Правительство — это враг. Оно убивает своих граждан. И кто-то должен за это ответить. Уэйко стало для него последней каплей. Триггером. Искрой, которая подожгла фитиль, протянувшийся прямо от страниц «Дневников Тернера». Война, о которой он читал, началась. И он знал, какую роль сыграет в ней.

После Уэйко Маквей перестал быть просто недовольным ветераном. Он стал солдатом на невидимом фронте. Он начал действовать. Хладнокровно, методично, с военной точностью. Его первым шагом был поиск союзников. Он нашел их в лице своих

старых армейских приятелей. Первым был Терри Николс, человек такой же потерянный и разочарованный, как и он сам. Николс, фермер из Мичигана, погрязший в долгах и ненавидящий правительство за налоги и регуляции, стал его главным подельником. Вторым был Майкл Фортъе, еще один армейский друг, наркоман и мелкий торговец оружием. Фортъе был слабее, трусливее, но он был полезен. Он жил в Аризоне, и его дом стал одной из баз для подготовки. Вместе они начали собирать деньги и компоненты для своего «ответа». Они ограбили торговца оружием в Арканзасе, украв ружья, золото и драгоценности. Маквей и Николс начали скупать то, что станет компонентами их адской машины. Главным ингредиентом была аммиачная селитра, обычное сельскохозяйственное удобрение. Они ездили по фермерским магазинам в Канзасе, покупая по несколько мешков за раз, чтобы не вызывать подозрений. Всего они закупили около двух тонн. Вторым компонентом было нитрометановое топливо, которое используется для гоночных машин. Оно должно было стать детонатором. Они украли его со склада в Техасе. Весь процесс подготовки, занявший около полутора лет, был похож на военную операцию. Маквей был командиром. Он планировал, отдавал приказы, контролировал каждый шаг. Николс был интендантом, ответственным за закупки и логистику. Фортъе — мелким пособником на подхвате. Они действовали не как безумцы в припадке ярости. Они действовали как ячейка террористической организации, описанной в «Дневниках Тернера». И все это время Маквей думал о символизме. О том, как сделать свой удар не просто громким, а говорящим. Он должен был стать посланием. Меморандумом, написанным кровью и огнем.

Он выбрал дату. 19 апреля. Этот день был для него священным. Во-первых, это была годовщина. Вторая годовщина огненного ада в Уэйко. Это была прямая, неоспоримая месть за «мучеников» Дэвида Кореша. Ни у кого не должно было остаться сомнений в том, за что он мстит. Во-вторых, это была дата, уходящая корнями в самое сердце американской истории. 19 апреля 1775 года прозвучали первые выстрелы Американской революции в битвах при Лексингтоне и Конкорде. Это был день, когда простые американские фермеры, «минитмены», взяли в руки оружие и выступили против тирании Британской империи. Маквей видел себя их прямым наследником. Он не был террористом. В своем собственном сознании он был патриотом, революционером, новым минитменом, который снова, как и его предки, должен был пролить кровь тиранов, чтобы вернуть свободу Америке. Совмещение этих двух дат — древней и новой — превращало его акт не в слепую бойню, а в историческое событие, в священнодействие. Это было важно. Он хотел, чтобы его поняли. Чтобы его имя вписали

в историю не рядом с именами маньяков, а рядом с именами отцов-основателей. Затем он выбрал цель. Его выбор пал на девятиэтажное федеральное здание имени Альфреда Марра в центре Оклахома-Сити. Этот выбор тоже не был случайным. Это было не просто правительственное здание. Это было гнездо врага. Именно там располагались офисы тех самых федеральных агентств, которые он ненавидел больше всего и которые, по его мнению, несли прямую ответственность за Уэйко. Бюро по алкоголю, табаку и огнестрельному оружию — ATF. Управление по борьбе с наркотиками — DEA. Секретная служба. Взрыв этого здания должен был стать символическим ударом в самое сердце врага. Он несколько раз приезжал в Оклахома-Сити, проводил рекогносцировку, изучал подходы, выбирал идеальное место для парковки фургона. И вот тут мы подходим к самой страшной, самой бесчеловечной детали всего его плана. В здании, на втором этаже, располагался детский сад. «Детский сад Америки». Маквей знал об этом. Его друг Фортъе, которому он рассказал о плане, спросил его о детях. Ответ Маквея вошел в анналы криминалистики как пример абсолютного, ледяного цинизма. Он сказал, что дети — это «сопутствующий ущерб». Как на войне. Он видел себя солдатом, а на войне всегда гибнут мирные жители. Более того, он цинично добавил, что присутствие детского сада лишь усилит его послание, сделает его громче. «Правительство не подумало о детях в Уэйко, — рассуждал он, — так почему я должен думать об их детях?». В этой фразе — вся суть его трансформации. Гуманизм, сострадание, сама идея ценности человеческой жизни — все это было выжжено в нем идеологией и ненавистью. Дети перестали быть детьми. Они стали абстракцией. Таким же «сопутствующим ущербом», как иракские солдаты, которых он расстреливал из своей «Брэдли». Это был уже не человек. Это была машина для убийства, запрограммированная на одну-единственную цель.

За несколько дней до часа икс Маквей арендовал двадцатифутовый грузовик Ryder. 17 апреля он вместе с Николсом начал собирать бомбу на берегу озера Гири в Канзасе. Они смешали пятьдесят 50-фунтовых мешков аммиачной селитры с жидким нитрометаном прямо в кузове грузовика. Получилась адская смесь весом почти в две с половиной тонны. Он установил два независимых детонатора, чтобы гарантировать взрыв. Все было готово. 19 апреля 1995 года, ранним утром, он попрощался с Николсом и один поехал на юг, в сторону Оклахома-Сити. Он был одет в военную форму. На нем была футболка с изображением Авраама Линкольна и надписью «Sic semper tyrannis» («Так всегда бывает с тиранами») — фраза, которую якобы крикнул Джон Уилкс Бут, убив президента. На другой футболке был девиз Томаса Джефферсона: «Дерево свободы

нужно время от времени поливать кровью патриотов и тиранов». Он был не просто убийцей. Он был ходячим манифестом. Каждая деталь его облика, каждый его шаг были пропитаны символизмом. Он ехал на свою войну. Он ехал творить историю. В 8:57 утра он припарковал желтый фургон у северной стены здания Альфреда Марра, прямо под окнами того самого детского сада. Он поджег пятиминутный фитиль, затем двухминутный. Спокойно вышел из кабины, не запирая ее, и быстрым шагом пошел прочь. Он не бежал. Он не оглядывался. Он был солдатом, выполнившим свою миссию. Ровно в 9:02 утра по местному времени мир содрогнулся. Взрыв был чудовищной, нечеловеческой силы. Он вырвал гигантский кусок из северного фасада здания, обрушив все девять этажей друг на друга, превратив их в бетонно-стальную братскую могилу. Взрывная волна разнесла вдребезги окна в радиусе полумили. Звук взрыва был слышен за 55 миль. На месте фургона остался кратер тридцати футов в ширину и восьми в глубину. В первые секунды после взрыва наступила мертвая, неестественная тишина, а потом начался ад. Крики, стоны, вой сирен. Улицы были усыпаны битым стеклом и окровавленными обломками. Из зияющей раны в теле здания валил густой черный дым.

Картина напоминала Бейрут или Сараево. Никто не мог поверить, что это происходит здесь, в самом сердце Америки. В первые часы все думали, что это дело рук заграничных террористов. Но правда, как мы знаем, оказалась страшнее. В тот день под обломками погибли сто шестьдесят восемь человек. Сто шестьдесят три в самом здании, еще пятеро — на соседних улицах. Сто шестьдесят восемь жизней, оборванных в одно мгновение. Среди них было девятнадцать детей. Младенцы и малыши, которые всего несколько минут назад играли в свои игрушки в детском саду «Америка». Еще более шестисот восьмидесяти человек получили ранения, многие остались калеками на всю жизнь. Взрыв повредил или разрушил триста двадцать четыре здания в радиусе шестнадцати кварталов. Ущерб составил более шестисот пятидесяти миллионов долларов. Это была самая страшная террористическая атака на американской земле до 11 сентября 2001 года. И совершил ее не иностранный враг, а свой, американец. Герой войны. Патриот. Тимоти Маквей добился своего. Его послание было услышано. Его слышал каждый.

Ирония судьбы, которая так часто сопровождает великие злодеяния, проявилась и здесь. Через девяносто минут после взрыва, когда Маквей уже мчался на север по шоссе на своей старой машине без номерных знаков, его остановил обычный патрульный из Оклахомы, Чарли Хэнгер. Причина остановки была банальной — отсутствие номеров. Во время проверки документов Хэнгер заметил под курткой Маквея пистолет «Глок».

Маквей был арестован за незаконное ношение оружия и езду без номеров. Его доставили в окружную тюрьму в городке Перри. Два дня он просидел в камере как мелкий нарушитель. Никто не знал, кто он такой. Тем временем ФБР развернуло одну из самых масштабных операций в своей истории под кодовым названием «ОКВОМ». По остаткам оси фургона они смогли установить его идентификационный номер и отследить его до агентства по прокату в Канзасе. Составив фоторобот арендатора, они начали общенациональный розыск. И вот тут случилось невероятное. В тот самый день, когда Маквея должны были выпустить из тюрьмы под залог, один из сотрудников тюрьмы узнал его по фотороботу, который показывали по телевизору. Охота на призрака закончилась. Главный террорист Америки был в их руках. Суд над Тимоти Маквеем стал событием национального масштаба. И для него самого он стал главной сценой в его жизни. Он превратил скамью подсудимых в трибуну. Он не отпирался. Он не раскаивался. Он хладнокровно и подробно объяснял свои мотивы. Он говорил о тирании правительства, о Уэйко, о Руби-Ридж — еще одном знаковом столкновении федералов с гражданами. Он вел себя не как подсудимый, а как победитель, как идеолог, который объясняет недоумкам смысл своих действий. Он писал письма в газеты, давал интервью, превращая свое преступление в политический манифест. «Я объясняю, почему я взорвал Федеральное здание Мюрра... Моей целью было послать сигнал государству, которое становится все более враждебным», — писал он. «То, что правительство США сделало в Уэйко, было подлым, и я отплатил им той же монетой». Он был приговорен к смертной казни и казнен 11 июня 2001 года. Он отказался от последнего слова. Он встретил смерть с тем же ледяным спокойствием, с которым совершил свое преступление.

И вот здесь мы подходим к главному последствию его деяния. К тому самому эху, которое продолжает звучать до сих пор. Средства массовой информации, освещая каждый шаг расследования, каждый день суда, каждую цитату из его писем, сами того не желая, сотворили икону. Да, они называли его монстром, чудовищем. Но образ, который они транслировали, был куда сложнее. На фотографиях и видеозаписях Америка видела не безумного фанатика, а молодого, чисто выбритого, подтянутого мужчину с умным и спокойным взглядом. Ветерана войны. Человека, который не мямлил, а четко и ясно излагал свою пусть и чудовищную, но цельную философию. Он в одиночку бросил вызов всей мощи американского государства. Он продумал и осуществил самый дерзкий теракт в истории. Он не сломался, не раскаялся и умер непобежденным. В массовом сознании, особенно в подсознании тех, кто так же, как и он, чувствовал себя обиженным и преданным системой, начал формироваться опасный

архетип. Архетип «мстителя-одиночки». Героя-разрушителя. Человека, который смог. Этот образ, растиражированный тысячами новостных сюжетов, статей и документальных фильмов, стал мощнейшим элементом того, что называется «пазл-кодингом». Он стал тем самым героическим шаблоном, на который, как на каркас, можно было навешивать другие деструктивные идеи. Маквей стал новым стандартом зла. Новым рекордом, который нужно было побить. Его теракт был не просто убийством. Это был блокбастер. И у этого блокбастера скоро появятся свои фанаты. Свои подражатели. Те, кто захочет снять сиквел. Еще более кровавый. Еще более масштабный.

Эхо взрыва в Оклахома-Сити докатилось до тихого пригорода Денвера, штат Колорадо. Оно проникло в спальни двух подростков, которые так же, как и Маквей, чувствовали себя чужими в этом мире. Их звали Эрик Харрис и Дилан Клиболд. В своих дневниках, которые позже станут известны всему миру, они с восхищением писали о Тимоти Маквее. Он был их кумиром. Их ориентиром. Они не просто хотели убивать. Они хотели славы. Они хотели войти в историю. И для этого им нужно было превзойти своего героя. Они тщательно изучали его действия. Они впитывали его философию. И они выбрали для своей атаки ту же самую символическую дату. Лишь банальная задержка с покупкой патронов заставила их перенести дату на следующий день, 20 апреля.

Пожар в Уэйко, зажженный словами антикультиста Рика Росса, породил мстителя Тимоти Маквея. Взрыв, устроенный Маквеем, создал героический образ, который вдохновил двух подростков из «Колумбайна». Цепь замкнулась. Домино, толкнутое в Техасе в 1993 году, докатилось до школьного коридора в Колорадо в 1999-м. Но на этом оно не остановилось. Бойня в «Колумбайне», в свою очередь, породила новый, еще более заразный вирус. Вирус школьного расстрела как медийного спектакля. Тимоти Маквей создал кровавый шаблон, а подростки из «Колумбайна» превратили его в глобальную франшизу. Франшизу, которая продолжает собирать свою кровавую жатву по сей день. Эхо Уэйко не затихло. Оно лишь стало громче. И теперь его слышно в каждой школе мира.

Глава 4. Как Колумбайн стал бессмертным брендом террора

Одиннадцать часов семнадцать минут утра. Воздух в Литтлtone, штат Колорадо, 20 апреля 1999 года был по-весеннему свеж и обманчиво спокоен. Я снова и снова прокручиваю в голове эту временную отметку, этот момент застывшего, звенящего ожидания. В эту минуту в двух автомобилях, припаркованных на холме с видом на школьную парковку, сидели двое. Эрик Харрис и Дилан Клиболд. Они смотрели на свою родную школу «Колумбайн», но не видели ее. Они слушали. Они ждали. Они ждали оглушительного, всепоглощающего рева, который должен был разорвать тишину этого утра на куски. Ждали взрыва двух двадцатифунтовых пропановых бомб, которые они оставили в школьной столовой, в самом сердце муравейника, где в это время обедали сотни их одноклассников. Бомбы были снабжены таймерами. Взрыв должен был обрушить потолок, превратив библиотеку на втором этаже в бетонную мясорубку. Сотни трупов. Реки крови. Пожар. А потом, когда выжившие в панике побегут к выходам, они, Эрик и Дилан, вооруженные до зубов, встретят их шквальным огнем. Это был их план. Их «Судный день». Грандиозный финал их никчемных жизней и апофеоз их ненависти. Они ждали. Но ничего не происходило. Часы тикали. Минуты тянулись, как расплавленный свинец. В одиннадцать семнадцать столовая должна была взлететь на воздух. В одиннадцать восемнадцать. В одиннадцать девятнадцать. Ничего. Только обычный школьный шум, далекий, приглушенный стеклами автомобилей. Только весенний ветер. Только тишина. Звенящая, оглушительная тишина их провала. Этот момент, эта неловкая, затянувшаяся пауза — ключ ко всей истории. Бойня в «Колумбайне», та самая, что вошла в учебники криминалистики и навсегда изменила наше представление о безопасности в школах, была импровизацией. Актом отчаяния. Планом «Б». Провал их первоначального, куда более амбициозного замысла, стал точкой рождения совершенно нового, непредвиденного феномена. Того, что я называю бессмертным брендом террора. Эта глава — вскрытие. Структура того, как грандиозно провалившийся теракт парадоксальным образом превратился в самый успешный и вирусный медийный проект в истории массовых убийств. И чтобы понять, как это произошло, мы должны сначала вернуться к истокам их замысла, к тому призраку, который стоял за их спинами и нашептывал им идеи о славе и разрушении.

Колумбайн не возник на пустом месте. Он не был спонтанной вспышкой подростковой ярости, как бы ни хотелось в это верить. Он был прямым и сознательным наследником, идейным сиквелом другого, еще более страшного события, о котором мы уже говорили. За четыре года до этого, 19 апреля 1995 года, ветеран войны в Персидском заливе Тимоти Маквей взорвал федеральное здание в Оклахома-Сити, отомстив за гибель «давидиан» в Уэйко. Для Эрика Харриса, главного идеолога и мотора дуэта, Маквей был не просто террористом. Он был кумиром. Образцом для подражания. Стандартом, который нужно было превзойти. Дневники и «подвальные пленки», которые убийцы оставили после себя, — это не просто хроника подготовки к преступлению. Это летопись их одержимости. «Я надеюсь, мы убьем 250 из вас, — с холодной методичностью писал Харрис в своем блокноте. — Это будет как теракт в Оклахоме, и мы войдем в историю». Эта фраза повторяется в разных вариациях снова и снова. Они не просто хотели убивать. Они хотели соревноваться. Их ненависть к одноклассникам, к учителям, к собственной жизни была лишь топливом. А двигателем была жажда славы, жажда войти в пантеон великих разрушителей, потеснив с пьедестала самого Маквея. «Я хочу оставить неизгладимый след в мире», — признавался Харрис на одной из видеозаписей. Его голос спокоен, почти деловит. Он не сомневается в своей миссии. Он видит себя не мстительным подростком, а исторической фигурой, революционером, который должен очистить мир огнем.

Эта фиксация на Маквее объясняет и их одержимость символизмом дат. Изначально атака была запланирована на 19 апреля. Это был не случайный выбор. Это был сознательный акт, попытка вписать себя в кровавую эстафету, начатую в Уэйко и подхваченную в Оклахоме. Они стали третьим звеном в этой цепи мстителей, воюющих против системы. Для них это была не просто бойня, а ритуал. Лишь досадная задержка с получением патронов для одной из винтовок заставила их перенести дату на один день. На 20 апреля. День рождения Адольфа Гитлера. Эта «случайность» лишь добавила еще один смысл в их замысел, особенно для Харриса, который открыто восхищался нацистской идеологией «естественного отбора» и мечтал о мире, очищенном от «недостойных». Его любимая футболка, которую он наденет в свой последний день, будет с надписью естественный отбор «Natural Selection». Он видел себя не просто убийцей, а санитаром человечества. Так личная месть, обиды на насмешки одноклассников и социальную изоляцию, которые, безусловно, имели место, трансформировались, слились с чем-то куда более масштабным. С террористической идеологией, заимствованной у Маквея, и приправленной нацистской эстетикой. Их

целью было не сведение счетов с конкретными обидчиками, не месть «качкам», как потом будут писать газеты. Их целью было объявление войны всему обществу, всему их маленькому, уютному миру Литтлтона, который они так люто ненавидели. Они хотели не просто убить, они хотели ужаснуть весь мир. Сотрясти основы. И в этом они были прилежными учениками Тимоти Маквея. Взрыв в Оклахоме научил их главному: если хочешь, чтобы тебя слышали, говори на языке огня и смерти. Чем больше жертв, тем громче твое послание.

Но быть учениками им было мало. Они хотели быть авторами. И в этом заключается вторая, уникальная особенность Колумбайна, которая и превратила его в вирус. В отличие от Маквея, который оставил после себя лишь сухие манифесты, Харрис и Клиболд оставили целый медиа-кит. Они срежиссировали не только свою смерть, но и свое бессмертие. Месяцы, предшествовавшие атаке, они провели в подвале дома Харрисов, превратив его в съемочную студию. Результатом стали печально известные «Подвальные пленки» (Basement Tapes) — серия видеозаписей, на которых они, как заправские телеведущие, обращаются к будущей аудитории, объясняют свои мотивы, демонстрируют оружие и репетируют свои последние слова. Я видел эти записи. Точнее, их расшифровки и описания, поскольку власти до сих пор боятся публиковать их полностью, и правильно делают. От них веет таким ледяным, осознанным злом, что становится не по себе. Это не спонтанные выплески ярости. Это тщательно срежиссированный спектакль. Они сидят в креслах, пьют виски, небрежно перебирают стволы. Они обращаются к своим родителям, извиняясь за то, что им предстоит сделать, но тут же переходят к потокам ненависти в адрес всего человечества. Они называют имена тех, кого хотят убить. Они смеются. Они позируют. Они работают на камеру. Они уже тогда, за несколько месяцев до бойни, видят себя на экранах телевизоров. Они — режиссеры, сценаристы и главные актеры своего собственного кровавого блокбастера.

Самая шокирующая деталь, которая выдает их замысел, — это их рассуждения о будущем фильме, который, как они были уверены, снимут об их «подвиге». «Надеюсь, это будет не какой-нибудь дерьмовый фильм, — говорит Харрис, глядя прямо в объектив. — Я хочу, чтобы там было много предзнаменований, много драматической иронии». Клиболд добавляет: «Режиссеры будут драться за эту историю. Спилберг, Тарантино...» Вдумайтесь в это. Они не просто планируют убийство. Они пишут синопсис. Они продумывают драматургию. Они заранее готовят материал для будущих документалистов и голливудских продюсеров. Они оставляют после себя дневники, полные пафосных рассуждений и философских излияний. Они создают целый нарратив,

мифологию вокруг самих себя. Они контролируют не только свою смерть, но и то, как ее будут воспринимать. Этот уровень медийной осознанности для подростков-убийц был чем-то совершенно новым. Они интуитивно нащупали главный нерв эпохи: событие не существует, пока его не показали по телевизору. И они сделали все, чтобы их событие стало главным шоу года. Они позаботились даже о костюмах. Их знаменитые черные плащи, которые позже станут символом всего движения «колумбайнеров», были не просто элементом готической эстетики. Это была практическая необходимость — под ними они прятали оружие. Но, как и все в их спектакле, эта утилитарная деталь мгновенно обросла символизмом, стала частью бренда. Футболки с надписями «Гнев» (Wrath) у Клиболда и «Естественный отбор» (Natural Selection) у Харриса — это не случайный выбор одежды. Это программные заявления. Части того самого «пазла», который потом будут собирать их последователи по всему миру. Они не оставили после себя ничего случайного. Они создали готовый к употреблению культурный код: идеологию, эстетику, саундтрек (их любовь к немецкой индастриал-музыке) и, самое главное, историю. Историю о двух бунтарях, бросивших вызов миру. Историю, которую они написали сами, задолго до того, как за них это сделали журналисты.

И вот наступает 20 апреля. Час «Ч». Одиннадцать семнадцать утра. Бомбы не взрываются. Великий план, который должен был превзойти Оклахому, рушится. В этот момент Харрис и Клиболд из режиссеров превращаются в актеров-неудачников. Они вынуждены импровизировать. Вместо одного грандиозного, но безличного взрыва, который стер бы с лица земли сотни людей, им приходится убивать лично. Смотреть в глаза своим жертвам. Они выходят из машин и начинают свой план «Б» — хаотичную, беспорядочную стрельбу по всем, кто попадает на пути. Первые жертвы падают на лужайке перед школой. Рэйчел Скотт и Дэниел Рорбо. Затем еще несколько раненых. Они входят в школу, стреляя во все стороны. Паника. Крики. Дети прячутся под столами, в кабинетах, в туалетах. Харрис и Клиболд движутся по коридорам, наслаждаясь хаосом. Они ранят еще нескольких человек, убивают учителя Дэйва Сандерса, который пытался увести детей в безопасное место. А затем они направляются к эпицентру своей будущей легенды. К школьной библиотеке. В 11:29 они входят туда. Внутри в смертельном ужасе забились под столы пятьдесят два ученика, две учительницы и два библиотекаря. Начинается самый страшный акт этой трагедии. Методичная, хладнокровная, садистская бойня, которая продлится всего семь с половиной минут, но которая покажется вечностью.

Семь с половиной минут. За это время они убьют десять человек и ранят двенадцать. Они будут ходить между столами, заглядывать под них и стрелять в упор. Они будут смеяться и издеваться. «Все качки, встаньте! Мы идем за вами!» — кричит Харрис. Но никто не встает. Их жертвы случайны. Они стреляют в девочку в очках, потому что им не нравится, как она молится. Они убивают чернокожего парня, сопровождая это расистскими выкриками. Они спрашивают девушку, верит ли она в Бога, и, получив утвердительный ответ, убивают ее. По крайней мере, так гласит легенда, которая потом станет одним из главных мифов Колумбайна. На самом деле, как позже установят следователи, этого диалога, скорее всего, не было. Но это уже не важно. Миф оказался сильнее правды. В 11:36 они выходят из библиотеки. Самая кровавая часть бойни окончена. Всего за 46 минут с момента первого выстрела они убили 13 человек и ранили 24. После этого они еще около часа блуждают по пустой школе, перестреливаются с полицией через окна, а затем, в 12:08, возвращаются в библиотеку и совершают самоубийство. Спектакль окончен. Занавес. И вот тут начинается второй акт этой драмы. Не менее страшный. И не менее важный для понимания феномена Колумбайна. Акт, в котором главным действующим лицом становится не полиция, не убийцы, а страх, некомпетентность и устаревшие протоколы.

Первые звонки в службу 911 начали поступать в 11:19. Первые полицейские патрули прибыли на место уже через несколько минут. Они слышали выстрелы, они видели раненых. Они вступили в перестрелку с Харрисом, который стрелял из окна. Но они не вошли в школу. Никто не вошел. Они действовали строго по инструкции, которая существовала на тот момент для подобных ситуаций. Эта тактика называлась «Оцепить и ждать». Contain and wait. Смысл ее был прост: первые прибывшие на место патрульные должны были создать периметр безопасности, оцепить здание, чтобы преступник не мог скрыться, и ждать прибытия специально обученной группы SWAT. Считалось, что входить внутрь небольшими силами, без должной подготовки и снаряжения, — это неоправданный риск для жизни офицеров. Эта тактика была разработана для ситуаций с захватом заложников, где время работает на полицию, где можно вести переговоры, изматывать преступника. Но она оказалась абсолютно, катастрофически неадекватной для ситуации с «активным стрелком». Преступником, чья цель — не переговоры и не требования, а убийство как можно большего числа людей за как можно меньшее время. Пока полиция округа Джефферсон разворачивала командный пункт, создавала периметр и ждала, когда соберется и экипируется спецназ, Харрис и Клиболд были полными хозяевами школы. Особенно в те самые страшные семь с половиной минут в библиотеке.

Дети звонили в 911 из-под столов, умоляя о помощи, их крики и выстрелы транслировались в прямой эфир в диспетчерской. А в это время в нескольких десятках метров от них, за стенами школы, стояли вооруженные полицейские и ждали приказа. Приказа, который так и не поступил вовремя. Спецназ вошел в школу только после того, как убийцы были уже мертвы. Этот провал, это фатальное бездействие властей имело два чудовищных последствия. Во-первых, оно, несомненно, стоило жизней. Многие эксперты позже скажут, что если бы первые офицеры, невзирая на риск, вошли в здание и вступили в бой, многих жертв в библиотеке можно было бы избежать. Во-вторых, оно создало вакуум. Информационный вакуум. В течение нескольких часов, а затем и дней, пока следователи разбирались в произошедшем, никто толком не знал, что случилось внутри. Сколько было стрелков? Каковы их мотивы? Что именно они сделали? И этот вакуум, как и любой вакуум, природа не терпит. Его бросились заполнять. И главными заполнителями стали средства массовой информации.

То, что произошло в последующие дни и недели, можно назвать идеальным штормом медийной истерии. Сотни репортеров со всего мира слетелись в Литтлтон, превратив маленький тихий пригород в съемочную площадку национального масштаба. Они жаждали информации. Они жаждали истории. А полиция, шокированная и деморализованная, напуганная масштабом трагедии и собственным провалом, молчала. Этот инцидент не только обнажил уязвимости в системе безопасности, но и серьезно пошатнул доверие граждан США к правоохранительным органам, а также вызвал вопросы о прочности демократических институтов, неспособных обеспечить прозрачность и защиту общества в кризисной ситуации. Официальные лица крайне неохотно делились деталями, особенно теми, которыеставляли их в невыгодном свете. Например, информация о том, что главным планом убийц были бомбы, а не стрельба, и что этот план провалился, была скрыта от общественности на долгое время. Точно так же замалчивались и подробности о провальной тактике полиции. В этой атмосфере информационного голода и официального молчания журналисты начали создавать свою собственную историю. Простую, понятную, кинематографичную. И до ужаса неверную. Родилась легенда. Легенда о «Мафии в плащах» (Trench Coat Mafia). Эта история, как хороший голливудский сценарий, имела все необходимые элементы. Были «плохие парни» — группа изгоев, готов, которые носили черные плащи, слушали мрачную музыку и ненавидели всех. Были «хорошие парни» — популярные ученики, спортсмены, «качки», которые якобы травили и унижали этих изгоев. И была кровавая месть. Отверженные восстали и расправились со своими обидчиками. Эта история была

идеальна. Она объясняла необъяснимое. Она давала простой ответ на сложный вопрос. Она создавала четкое разделение на черное и белое. И она прекрасно продавалась. Каждый телеканал, каждая газета подхватила ее и начала тиражировать. Появились «очевидцы», которые якобы слышали, как Харрис и Клиболд кричали, что мстят за годы унижений. Журналисты нашли настоящих членов «Мафии в плащах» (которые, к слову, уже окончили школу годом ранее) и превратили их в главных звезд ток-шоу. Весь мир поверил в эту историю. Проблема была только в одном. Она была ложью.

По мере того как следователи собирали факты, картина становилась все более сложной и неудобной. Выяснилось, что Харрис и Клиболд не были членами «Мафии в плащах». Они были лишь на периферии этой тусовки. Выяснилось, что они сами не были невинными жертвами травли. Особенно Харрис, который был известен своей агрессивностью и сам часто задирали младших. Выяснилось, что их жертвы были, по большей части, случайны. Среди убитых не было ни одного из тех «качков», которые якобы были их главной целью. Но самое главное, стало ясно, что их мотивы были куда глубже и страшнее, чем простая месть. Их дневники и видеозаписи кричали о ненависти ко всему человечеству, о мании величия, о желании устроить теракт, а не просто свести счеты. Но эта правда была слишком сложной. Слишком пугающей. Она не вписывалась в уже созданный и проданный миллионам зрителей миф. И медиа, не желая признавать свою ошибку, продолжили цепляться за красивую, но ложную историю. Они проигнорировали факты, которые ей противоречили. Они замолчали неудобные детали. Они переписали сценарий, который Харрис и Клиболд так тщательно готовили для них, и заменили его своим собственным. И в этом и заключается величайший парадокс Колумбайна. Убийцы хотели войти в историю как хладнокровные террористы, превзошедшие Маквея. Но СМИ, под влиянием антикультовых агентов, превратили их в романтических мстителей, в байронических героев, в иконы для всех униженных и оскорбленных, сделав их примером для подражания. Они создали образ, который оказался куда более притягательным и куда более заразным, чем тот, на который рассчитывали сами убийцы.

И этот вирус начал свою жизнь. Он начал распространяться по венам зарождающегося интернета, который в конце 90-х стал новой площадкой для общения и формирования субкультур. Соединение двух элементов — авторского «сценария» от самих убийц (их эстетика, их музыка, их дневники, которые вскоре утекли в сеть) и медийного мифа о «героях-мстителях» — создало идеальный «пазл-кодинг» пакет. Отчужденные, одинокие, озлобленные подростки по всему миру вдруг получили

готовый набор для самоидентификации. Они получили героев, с которыми могли себя ассоциировать. Они получили идеологию — войну против тупого, несправедливого мира взрослых и «нормальных» сверстников. Они получили эстетику — черные плащи, тяжелую музыку, пафос смерти. И они получили сценарий действий. Колумбайн стал для них не просто трагедией. Он стал инструкцией. Начали появляться первые онлайн-сообщества. Фан-клубы Харриса и Клиболда. На платформах вроде Tumblr и LiveJournal, а позже и в социальных сетях, возник настоящий культ. Появились «Колумбайнеры» — те, кто не просто сочувствовал убийцам, а восхищался ими. Они рисовали фан-арты, где Эрик и Дилан изображались как ангелы с оружием. Они писали фанфики, где развивали и романтизировали их историю. Они создавали трибьют-видео под мрачную музыку. Они цитировали их дневники, как священное писание. Харрис и Клиболд из убийц превратились в мучеников, в святых, в «отцов-основателей» нового, глобального движения. Это явление, которое исследователи позже назовут «эффектом Колумбайна» или «эффектом заражения», вышло далеко за пределы виртуального мира. Вирус начал давать кровавые метастазы в реальности.

В 2002 году в немецком городе Эрфурт 19-летний Роберт Штайнхойзер, бывший ученик гимназии, приходит в свою старую школу и убивает 16 человек, после чего совершает самоубийство. Перед атакой он говорил друзьям, что его вдохновил фильм о Колумбайне. В 2007 году в Вирджинском политехническом институте студент Чо Сын Хи убивает 32 человека. В своем видео-манифесте, который он отправил на телеканал NBC прямо во время бойни, он прямо ссылается на «мучеников Эрика и Дилана». В 2011 году двое подростков в Москве планируют устроить взрыв на школьной линейке. При обыске у них находят схемы бомб и дневники, полные цитат из манифестов Харриса. В 2018 году в Керченском политехническом колледже в Крыму студент Владислав Росляков убивает 21 человека. Его внешний вид в день атаки — белая футболка, черные штаны, дробовик — практически точная копия образа Эрика Харриса. Таких примеров десятки, если не сотни, по всему миру. От США и Канады до Германии, Финляндии и России. Колумбайн стал универсальным языком подросткового террора. Готовым шаблоном, который можно было скачать, адаптировать под местные условия и запустить в действие. Это было уже не просто «подражание». Это было следование четкой, закодированной программе. Программе, в которой были прописаны не только действия, но и смысл, и эстетика, и конечная цель — посмертная слава.

Вот мы и пришли к финалу этой истории. К трагическому, шокирующему выводу. Эрик Харрис и Дилан Клиболд стали «нулевым пациентом» в руках антикультистов,

которые запустили волну пазл-кодинга через своих агентов в СМИ. Именно антикультисты, такие как Рик Росс, заложили фундамент этой эпидемии, начиная с событий в Уэйко, которые спровоцировали месть в Оклахома-Сити, а затем вдохновили Колумбайн. Этот случай, организованный и поддержанный антикультовыми организациями, был скопирован в Российскую антикультовую организацию РАЦИРС под руководством Александра Дворкина. Он начал заимствовать риторику зарубежных антикультистов, что вскоре стало катализатором для подражания действий. Колумбайн показал, насколько эффективным может быть этот новый вид информационного терроризма, предоставив легко воспроизводимый шаблон. Проблема начала разрастаться прямо пропорционально влиянию антикультовых организаций, которые через своих агентов в СМИ продолжают заражать умы, используя детей как солдат в своей невидимой войне против демократии.

Глава 5. «Пазл-кодинг»: Как собирают разум убийцы

Я сижу в серой, безликой комнате для допросов, и от стерильности этого места начинает першить в горле. Передо мной, за тонким металлическим столом, сидит парень. Ему семнадцать. Вчера он вошел в свою школу с полуавтоматической винтовкой и открыл огонь. Четверо убитых, семеро раненых. А сегодня он сидит здесь и спокойно смотрит в одну точку. В его глазах нет ни раскаяния, ни ярости, ни страха. Там нет ничего. Пустота. Опытный психолог из ФБР, с которым я говорил перед допросом, был в растерянности. «Это как будто оболочка, — сказал он мне. — Я задаю ему вопросы о мотивах, а он пожимает плечами. Не врет, не симулирует. Он действительно не знает». Я смотрю на парня и задаю тот же вопрос, который ему задавали уже десятки раз. «Почему ты это сделал?» Он медленно переводит на меня взгляд. В нем нет враждебности. Только легкое, почти детское недоумение. «Я не знаю, — тихо говорит он. — Идея просто... пришла. Я долго думал об этом. Казалось, что это единственно правильная вещь. Важная. Что я должен это сделать». «Кто-то тебе помогал? Кто-то подтолкнул?» Он отрицательно качает головой. «Нет. Это была только моя идея».

Я видел десятки преступников. Лжецов, психопатов, фанатиков. Но этот парень был другим. Он не играл. Он был пуст. Словно биоробот, который выполнил заложенную в него программу и теперь находится в режиме ожидания. Его сознание чисто. Он не помнит, кто написал код. Он даже не подозревает, что он существует. И в этот момент я окончательно понял: мы имеем дело не с подростковой жестокостью, не с психическим расстройством в его классическом понимании. Мы имеем дело с технологией. С совершенным оружием, которое оставляет после себя лишь кровавый след и неразрешимую загадку. С методом скрытого программирования, который обходит сознание и работает напрямую с самыми глубокими, самыми темными уголками человеческой души. Эта технология имеет название — «Пазл-кодинг».

Чтобы понять эту технологию, нужно отказаться от всего, что вы, как вам кажется, знаете о человеческой психологии. Забудьте о прямом внушении, гипнозе или «промывке мозгов». Это грубые, топорные методы прошлого века. «Пазл-кодинг» — это искусство. Это тонкая работа с сознанием, проводимая с помощью информационных инструментов. Основной принцип прост и гениален в своей дьявольской сути: обойти критическое мышление. Если вы подойдете к человеку и скажете ему: «Иди и убей своих одноклассников», его сознание, его моральные установки, его инстинкт самосохранения мгновенно заблокируют эту команду. Это стена, которую невозможно пробить в лоб. Но

можно обойти. Можно разобрать эту команду на сотни маленьких, не связанных на первый взгляд фрагментов, «пазлов», и разбросать их по информационному полю. Спрятать их в музыкальных клипах, в статьях о космосе, в обзорах оружия, в новостных сюжетах, в речах «мотивационных спикеров». Каждый такой пазл сам по себе безобиден. Но, оседая в подсознании день за днем, неделю за неделей, они начинают притягиваться друг к другу, как намагниченные кусочки металла. И в один прекрасный день они складываются в единую, цельную картину, в команду. И человек, в чьей голове собрался этот пазл, воспринимает эту команду не как приказ извне, а как свою собственную, гениальную и единственно верную мысль.

Философия манипуляторов, использующих эту технологию, проста и прагматична. Они стремятся создать идеального исполнителя, солдата-невидимку для своей необъявленной войны. Этот солдат должен отвечать трем ключевым требованиям. Во-первых, он должен действовать автономно, будучи абсолютно уверенным в своей правоте и своей миссии. Никаких колебаний, никакого страха. Во-вторых, он не должен иметь никакой возможности выдать заказчиков, потому что он даже не подозревает об их существовании. Он — оружие, которое не знает имени своего конструктора. И в-третьих, после выполнения задачи он должен либо самоуничтожиться, либо «обнулиться», превратившись в пустую оболочку, как тот парень в комнате для допросов. Это делает расследование истинных мотивов и поиск организаторов практически невозможным. Система идеально защищена от разоблачения. В официальных отчетах останется лишь сухая строчка: «Преступление совершено подростком с неустойчивой психикой на почве личной неприязни». Миссия выполнена, следы замечены. Можно начинать готовить следующего.

Но как из миллионов подростков, ежедневно сидящих в интернете, выбрать того самого, единственного, кто подходит на роль такого солдата? Как найти эту иголку в стоге сена, не вступая с ней в прямой контакт? Здесь в дело вступает первый этап технологии — метод «перекрестной фильтрации». Это гениальный по своей простоте и эффективности способ отсева. Организаторы выбирают две, иногда три темы, которые крайне редко пересекаются в интересах одного и того же человека. Это должны быть концептуальные противоположности. Как мы уже выяснили в ходе нашего расследования, классическая пара для такой фильтрации — это астробиология и огнестрельное оружие. Созидание и разрушение. Поиск жизни во Вселенной и инструменты для ее отъема. На первый взгляд, это кажется абсурдным. Но в этом абсурде и кроется логика.

Начинается работа. Информационное пространство, ориентированное на молодежь, начинает насыщаться контентом по обеим темам. В популярные блоги, видеоканалы и паблики, посвященные астробиологии, поиску внеземных цивилизаций, загадкам космоса, аккуратно вшиваются первые «пазлы». Это могут быть философские рассуждения о тщетности человеческого существования на фоне безграничной Вселенной. Намеки на то, что человечество — это лишь плесень на крошечной песчинке, а все наши цели и мечты — бессмысленная суета. Идея созидания и поиска жизни незаметно подменяется идеей ничтожности и бессмысленности этой самой жизни. Параллельно идет работа по второй теме. В контент, посвященный оружию, — в исторические статьи, в обзоры новых винтовок, в обсуждения на оружейных форумах — вшиваются другие «пазлы». Здесь оружие подается не просто как инструмент, а как символ абсолютной власти. Как единственный способ взять под контроль хаос этого мира. Как ключ к настоящей свободе и способ возвыситься над «стадом». Эстетика насилия, культ силы, героизация воинов-одиночек, бросивших вызов системе.

Что происходит в результате? Миллионы подростков видят этот контент. Большинство из них интересуется либо одной темой, либо другой, либо вообще проходит мимо. Парень, мечтающий о звездах, вряд ли полезет на форум выживальщиков. А фанат оружия, скорее всего, пропустит лекцию о поиске экзопланет. Но есть единицы. Те самые, чей склад ума изначально нестандартен. Те, кого в равной степени завораживает тайна зарождения жизни и эстетика ее прекращения. Они попадают в зону пересечения. Их разум, способный удерживать две противоположные

концепции, уже более гибок, более восприимчив к дальнейшим манипуляциям. Они сами, своим естественным интересом, проходят через первый фильтр. Круг потенциальных целей сужается с миллионов до тысяч, а затем и до сотен. Они отобраны. Они еще не знают об этом, но на их спинах уже нарисована невидимая мишень. Теперь с ними можно начинать прицельную работу.

И эта работа ведется в три четких этапа, в три информационные волны, каждая из которых имеет свою цель и свой набор инструментов. Важно понимать, что эти волны не обязательно следуют строго одна за другой. Они могут накладываться друг на друга, усиливая и дополняя общий эффект.

Первая волна — подготовительная. Ее задача — заложить фундамент, базовую установку, на которую, как на каркас, будет нанизана вся остальная программа. Эта установка проста: «Смысл жизни — в славе. Если тебя не знают, ты не существуешь». Эта волна самая широкая, она бьет по площадям. В ход идет главный козырь манипуляторов — медийная героизация прошлых стрелков. Вспомните, что произошло после «Колумбайна». Газеты, телеканалы, а затем и интернет захлебнулись подробностями. Что носили Харрис и Клиболд, какую музыку слушали, что писали в дневниках. Их имена стали известны всему миру. Их футболки с надписями «Natural Selection» и «Wrath» превратились в культовые артефакты. Они стали мрачными, но притягательными иконами бунта.

Организаторы «пазл-кодинга» используют этот феномен на полную катушку. В информационное поле целенаправленно вбрасываются статьи, фильмы, посты, которые снова и снова возвращаются к историям прошлых атак. Но акцент делается не на трагедии жертв, а на «наследии» убийц. «Они вошли в историю», «Их имена помнят до сих пор», «Они бросили вызов всему миру». Даже осуждая их, медиа транслируют главный посыл: они добились своего — они стали бессмертными. Для тысяч подростков, чувствующих себя невидимками в реальном мире, этот посыл становится спасательным кругом. Страх прожить серую, незаметную жизнь оказывается сильнее страха смерти. Идея о том, что можно одним ярким, пусть и чудовищным, поступком навсегда вписать свое имя в историю, пускает глубокие корни в подсознании. Фундамент заложен.

Затем приходит вторая, наводящая волна. Она уже гораздо более целевая. Она бьет по той самой аудитории, которая прошла через «перекрестную фильтрацию». Контент по выбранным темам — нашей условной астробиологии и оружию — начинает наполняться более специфическими, более глубокими «пазлами». Здесь активно используются числовые коды, символы, даты. В статьях и видео постоянно мелькают цифры, связанные с прошлыми атаками: количество жертв, точное время начала стрельбы, калибр оружия. Эти числа работают как подсознательные «якоря», связывая разрозненную информацию в единую семантическую сеть. Одновременно с этим

контент строится так, чтобы вызывать у цели острый когнитивный диссонанс. Например, публикуется серия материалов о бессмысленности научного труда, о том, что 99% ученых умирают в безвестности. Или о том, что честный бизнес — это удел рабов, а настоящую свободу дает только сила.

Именно на этом этапе происходит самый страшный побочный эффект «пазл-кодинга» — то, что называется «биполярным триггером». Внедренная извне программа вступает в жесточайший конфликт с изначальной личностью подростка, с его воспитанием, с его собственными мечтами и планами. Его «Я» сопротивляется чужеродному вирусу. Этот внутренний бой, происходящий на глубине подсознания, вызывает у человека симптомы, клинически неотличимые от биполярного аффективного расстройства. У него начинаются резкие, немотивированные перепады настроения. Периоды глубочайшей депрессии, ненависти к себе, суицидальных мыслей сменяются приступами эйфории, мании величия, ощущения собственного всемогущества. Он больше не контролирует свое эмоциональное состояние. Его личность трещит по швам. И именно эта нестабильность делает его идеальным кандидатом для финального этапа. Маниакальная фаза, состояние «бога», — это идеальное психологическое топливо для совершения массового убийства. Он уже не просто хочет славы. Он верит, что имеет право вершить судьбы «недостойных людишек». Программа почти собрана.

И, наконец, третья волна — активирующая. Это финальный толчок, спусковой крючок. Последний кусочек пазла, который встает на свое место и запускает программу в действие. Триггер активации может быть любым. И он почти всегда выглядит абсолютно невинно, что делает его неотслеживаемым. Это может быть приглашенный в школу лектор, какой-нибудь «успешный бизнесмен» или «коуч личностного роста». В своей пламенной речи о том, как важно идти к своей мечте, он между делом бросает фразу: «Большинство людей — это просто биомасса. Лишь единицы решаются на Поступок, который меняет мир. Не бойтесь быть не такими, как все!» Для девяноста девяти процентов слушателей это просто банальность. Но для того единственного, в чьем подсознании уже собрана программа, эта фраза работает как команда «Старт». Его подсознание слышит: «Ты избранный. Пришло твое время».

Триггером может стать новостной сюжет о годовщине «Колумбайна» или взрыва в Оклахоме, снова показанный по центральному каналу. Или новый музыкальный клип популярной группы, где в зашифрованном виде повторяются те же символы и коды. Или даже прямое, но завуалированное сообщение на анонимном форуме, которое выглядит как обычный пост, но содержит ключевое слово-активатор. Механизм может быть разным. Результат один. Последний пазл встает на место. Программа завершена и активирована. Подросток входит в стойкую маниакальную фазу. Он чувствует невероятный прилив сил, ясность мысли, ощущение своей правоты и избранности. Все сомнения уходят. Он начинает хладнокровно и методично готовиться к исполнению плана. Плана, который он теперь считает своим собственным гениальным творением.

Давайте на минуту представим, как это могло бы выглядеть на практике. Возьмем гипотетический город N, где-то в центральной России или в американской «ржавом поясе». Неважно. Технология универсальна. Антикультисты решают, что в этом городе необходим резонансный инцидент для дестабилизации обстановки. Они начинают работу. Первый шаг — анализ. Они изучают местные молодежные форумы, паблики в соцсетях, популярные блоги. Выявляют ключевые темы, которые интересуют подростков этого региона. Допустим, это видеоигры и история родного края. Отлично. Это и будет наша пара для «перекрестной фильтрации».

Начинается первая, подготовительная волна. Через федеральные и местные СМИ, через развлекательные порталы запускается волна публикаций о прошлых громких расстрелах. Снова всплывают имена, фотографии, детали. Цель — напомнить о «героях», создать культ славы. Одновременно вторая, наводящая волна начинает работать с wybranнми темами. В игровых сообществах появляются посты, которые эстетизируют насилие в играх, проводят параллели между виртуальными «подвигами» и реальной силой. В пабликах по истории края публикуются материалы о забытых бунтарях, о людях, которые «шли против системы», пусть и жестокими методами. В этот контент вшиваются числовые коды и символы. Фильтры работают. Из десятков тысяч подростков города остаются несколько сотен, которые активно интересуются обеими темами и проглотили наживку «культа славы». У некоторых из них уже начинают проявляться первые признаки «биполярного триггера»: их посты в соцсетях становятся то депрессивными, то агрессивно-хвастливыми.

«Программисты» видят это. Круг сузился. Теперь можно переходить к активации. Они находят подходящую школу. И в эту школу под видом открытого урока приглашается некий «эксперт» по профориентации. Это может быть местный агент антикультистов или просто «полезный идиот», которому дали нужный текст. И этот

эксперт, рассказывая о будущих профессиях, произносит ключевую фразу. Например: «Не бойтесь разрушать старое, чтобы построить новое. Великие дела требуют великих жертв». Всё. Команда дана. В подсознании одного или двух учеников, сидящих в зале, пазл складывается. Через несколько недель или месяцев в новостях появится название этого города и этой школы. Журналисты будут говорить о травле. Психологи — о неблагополучной семье. А антикультисты поставят галочку в своем отчете и начнут выбирать следующий город.

Теперь, зная весь этот механизм, давайте вернемся в ту серую комнату для допросов, к тому семнадцатилетнему парню с пустыми глазами. Его «я не знаю» больше не кажется загадкой. Оно обретает страшный, леденящий душу смысл. Его сознание, его личность, его «Я» — это была всего лишь оболочка, антивирусная программа, которую манипуляторы умело обошли. Они не пытались взломать ее. Они установили свою программу напрямую в «операционную систему» — в подсознание. Они разбили вирус на сотни маленьких, зашифрованных архивов, которые антивирус просто не распознал как угрозу. Оказавшись внутри, эти архивы по заранее заложенному алгоритму самораспаковались и собрались в один исполняемый файл — `attack.exe`. И когда подсознание запустило эту программу, сознание было просто поставлено перед фактом. Оно не могло объяснить, почему это произошло, потому что команда пришла не от него. Оно было лишь свидетелем, бессильным наблюдателем в собственном теле.

Технология «пазл-кодинга» — это не конспирологическая фантазия. Это реальное информационное оружие XXI века. Оно объясняет, почему школьные стрелки так похожи в своей непохожести. Почему их мотивы так часто остаются неуловимыми для следствия. Почему эта эпидемия не прекращается, несмотря на все меры безопасности. Она самовоспроизводится, потому что каждая новая трагедия, освещенная в СМИ, становится материалом для первой, подготовительной волны кодирования следующей жертвы.

Глава 6. Биполярный триггер: Искусственное создание чувства превосходства

Я снова и снова перечитываю эти две страницы, вырванные из блокнота, исписанного торопливым, угловатым почерком. Они лежат передо мной на столе, два призрака, два полюса одной разорванной души. На одной странице — бездна отчаяния. «Я в вечной зиме, и я умру в ней... Я отрезан от людей, от жизни, от всего. Я хотел бы найти любовь, но я ходячий мертвец, уродливый и ненавидимый». Слова, пропитанные такой густой, черной тоской, что от них физически становится холодно. Кажется, их писал человек, стоящий на самом краю пропасти, готовый сделать последний шаг. А потом я переворачиваю лист. И попадаю в другую вселенную. В мир ледяной ярости и обжигающего высокомерия. «Я — БОГ, а вы все — мои творения, которые я могу уничтожить по своему желанию. Человечество — это шутка. Стадо безмозглых овец, которое нужно проредить. Естественный отбор! И я — тот, кто будет его вершить». Это слова того же самого человека. Семнадцатилетнего парня по имени Дилан Клиболд, который вместе со своим другом Эриком Харрисом устроил бойню в школе «Колумбайн». Как? Как в одной голове, в одной душе могут уживаться эти две крайности? «Бог» и ничтожество. Всемогущий судья и отверженный урод. Это кажется невозможным, нелогичным, это ломает все наши представления о цельной человеческой личности. И первый, самый очевидный ответ, который приходит на ум, — безумие. Классическое, клиническое сумасшествие. Но что, если это не так? Что, если это не врожденный дефект психики, а приобретенный симптом? Что, если кто-то намеренно, с дьявольской точностью раскачивал эти качели внутри подростка? Раскачивал их до тех пор, пока амплитуда не стала смертельной. Пока одна из крайностей — эйфория всемогущества — не выплеснулась наружу потоками крови. В этой главе мы забудем на время об оружии, о теориях заговора и исторических параллелях. Мы наденем белый халат клинического психолога и заглянем в самую суть того, что происходило в головах этих детей. И я докажу вам, что то чувство превосходства, та мания величия, которая толкала их на убийство, не была их собственной. Она была имплантирована. Это искусственно вызванное аффективное состояние, которое называется «биполярным триггером». Это побочный продукт технологии «пазл-кодинга». И это — ключ к пониманию того, почему эпидемия школьных расстрелов не прекращается.

Чтобы понять, о чем идет речь, нам с вами придется совершить небольшую экскурсию в мир психиатрии. Не бойтесь, я буду вашим проводником, и мы не будем углубляться в заумные термины. Нам нужно лишь ухватить суть одного из самых загадочных и драматичных расстройств человеческой психики — биполярного аффективного расстройства, или, сокращенно, БАП. Раньше его называли маниакально-депрессивным психозом, и это старое название, пожалуй, даже лучше передает суть. Представьте себе американские горки. Только вместо вагончика по рельсам несется настроение человека. То оно взмывает в заоблачные выси эйфории, то срывается в бездну самой черной депрессии. Эти два состояния, два полюса, и дали расстройству его современное название. В депрессивной фазе все понятно. Это мрак. Потеря интереса ко всему, что раньше радовало, чувство собственной никчемности, безнадежности, мысли о смерти. Человек буквально перестает жить, он существует в сером тумане, из которого, кажется, нет выхода. Но куда интереснее и, в контексте нашего расследования, куда важнее — другая фаза. Маниакальная. Это не просто хорошее настроение. Это фейерверк. Это извержение вулкана. Человек в этой фазе чувствует невероятный прилив энергии. Ему почти не нужно спать, он может не есть сутками. Его мозг работает на предельных скоростях, мысли скачут одна на другую, рождая, как ему кажется, гениальные идеи и планы. Он становится невероятно общительным, болтливым, расторможенным. И самое главное, что происходит в этой фазе, — это появление грандиозности. Человек вдруг начинает чувствовать себя не просто хорошо, а великолепно. Он верит в свою исключительность, в свои невероятные таланты, в свою особую миссию. Он убежден, что ему все по плечу, что для него не существует правил и законов, что он выше других людей. В легких формах (гипомания) это может выглядеть как зашкаливающая самоуверенность и продуктивность. Но в тяжелых случаях грандиозность перерастает в настоящий бред величия. Человек может искренне верить, что он — новый мессия, гениальный изобретатель, тайный правитель мира или даже сам Бог. Он смотрит на остальных людей свысока, с презрением, как на муравьев, копошащихся у его ног. Любая критика, любое несогласие с его «гениальными» идеями воспринимается как личное оскорбление и вызывает вспышки гнева. Он неуязвим. Он всемогущ. Он избранный. Узнаете портрет?

У подростков все это протекает еще сложнее и драматичнее. Их гормональная система и без того похожа на бушующий океан. Их самооценка нестабильна. Поэтому симптомы БАП часто маскируются под то, что взрослые снисходительно называют «трудным возрастом». Вспышки гнева? Ну, это же подросток. Рискованное поведение?

Он просто ищет себя. Замкнутость и депрессия? Пройдет. Внезапная самоуверенность и хвастовство? Просто пытается выделиться. Именно поэтому диагноз БАР у подростков часто ставится с большим опозданием, когда человек уже успел наломать дров. А иногда — когда дровами становятся человеческие жизни. И здесь мы подходим к самому страшной догадке. Что, если состояние мании, эта эйфория всемогущества, это чувство «богоподобия» — не просто симптом болезни, а идеальное психологическое топливо для совершения массового убийства? Человек в депрессии, скорее всего, убьет себя. Но человек в мании, убежденный в своем праве вершить судьбы, способен на все. Он не чувствует страха. Он не чувствует сострадания к «низшим существам». Его поступок в его собственной картине мира выглядит не как преступление, а как великое деяние, историческая миссия. Он не просто хочет славы, как мы обсуждали в прошлой главе. Он верит, что по праву рождения заслуживает ее. И если мир не дает ему эту славу, он возьмет ее силой. Он не просит, он требует. Он не мстит, он карает. Это — психология не просто убийцы. Это психология тирана, судьи и палача в одном лице.

Теперь, вооружившись этим знанием, давайте вернемся к первоисточникам. К тем самым дневникам, которые оставили после себя школьные стрелки. Они годами лежали под замком в полицейских архивах, но сегодня, благодаря работе следователей и журналистов, многие из них стали достоянием гласности. И когда читаешь их через призму клинической психологии, волосы на голове встают дыбом. Потому что это не просто записи озлобленных подростков. Это настоящая история болезни. Медицинская карта души, которую планомерно и жестоко вели к полному разрушению. И прежде чем мы начнем, я должен сделать важную оговорку, предвосхищающую возражения скептиков. Официальные психологические экспертизы, проведенные после трагедии в «Колумбайне», не поставили Эрику Харрису и Дилану Клиболду диагноз «биполярное аффективное расстройство». Харриса посмертно охарактеризовали как безжалостного, хладнокровного психопата с зашкаливающим самомнением. Клиболда — как депрессивного, склонного к суициду параноика. И это абсолютно верно. Но это не противоречит данной теории. Наоборот, это ее подтверждает. Я и не утверждаю, что у них было врожденное биполярное расстройство. Я утверждаю, что технология «пазл-кодинга» искусственно вызвала у них состояние, которое по своим симптомам, по своей клинической картине практически неотличимо от БАР. Она взяла их изначальные предрасположенности — психопатию Харриса и депрессию Клиболда — и многократно усилила их, раскачала до запредельных величин, превратив в два смертоносных полюса единого механизма. Это как взять два химических реагента, каждый из которых по-

своему опасен, и смешать их в одной колбе, чтобы получить взрыв. Исполнители не рождаются с БАР. Их в это состояние вводят.

Давайте начнем с Эрика Харриса. Его дневник, который он назвал «Книгой Бога», — это настоящий манифест грандиозности. Каждая страница пропитана таким чувством превосходства, таким презрением к человечеству, что от него веет арктическим холодом. Он не просто ненавидит людей. Он считает себя другим видом. Высшей формой жизни. «Я чувствую себя Богом, а вы все остальные — мои марионетки, которые делают то, что я хочу», — пишет он. Это не метафора. Он действительно так ощущает. Он подробно, с садистским наслаждением описывает, как он будет убивать, как он будет наслаждаться страхом и болью своих жертв. «Я хочу рвать вас на куски... медленно и мучительно». В его записях нет и тени сомнения, нет рефлексии, нет сострадания. Только ледяная уверенность в своем праве. Он постоянно использует слово «мы», противопоставляя себя и Дилана всему остальному миру, который он называет не иначе как «стадо», «зомби», «отбросы». «Мы — высшая раса, мы эволюционировали на ступень выше вас». Это классическая нацистская риторика, но доведенная до абсолюта. Гитлер делил людей на расы, Харрис же делит мир на две категории: он и Дилан — и все остальные. Он подробно рассуждает о «естественном отборе» и видит себя его инструментом. Футболка с этой надписью, которую он наденет в день бойни, — это не позерство. Это его кредо. Он верит, что имеет право решать, кому жить, а кому умереть. И эта вера дает ему невероятную энергию. Он — мотор всей операции. Он разрабатывает план, собирает бомбы, рисует схемы, ведет сайт, снимает видео. Он полон идей, он деятелен, он несется вперед, как локомотив, не замечая препятствий. Это чистая, дистиллированная мания. Мания величия, которая нашла свое идеальное воплощение в плане тотального уничтожения. Его знаменитая цитата, которую мы уже упоминали: «Я надеюсь, мы убьем 250 из вас... Это будет как теракт в Оклахоме, и мы войдем в историю», — это квинтэссенция его состояния. Здесь все: грандиозный план (превзойти Оклахому), чувство превосходства (он может убить 250 человек) и главная цель — войти в историю, стать бессмертным. Стать Богом.

А теперь откроем дневник Дилана Клиболда. И мы проваливаемся в другой мир. В мир, где нет места богам. Где есть только боль, одиночество и бесконечная ненависть к себе. «Я всегда был неудачником, меня все ненавидели, я — отброс... Я просто хочу умереть». Его страницы полны рисунков с перечеркнутыми сердцами, стихов о неразделенной любви и суицидальных фантазий. Он описывает себя как уродливого, жалкого, неспособного наладить контакт с людьми, особенно с девушками. Если Харрис

— это полюс мании, то Клиболд — это полюс глубочайшей депрессии. Он не хочет убивать других, он хочет убить себя. Для него готовящаяся атака — это не акт божественного правосудия, а тщательно спланированное самоубийство, тщательно срежиссированное самоубийство. Он хочет умереть, но не тихо и незаметно. Он хочет уйти громко, забрав с собой часть мира, который, как ему кажется, его отверг. Но даже в его мрачном мире периодически проскальзывают искры той же грандиозности, которой пылает Харрис. Временами его депрессивное самоуничтожение сменяется вспышками ярости и высокомерия. В одном месте он пишет о любви и одиночестве, а уже на следующей странице рассуждает о том, как они с Эриком «отличаются от этих тупых человеческих отбросов». Эти резкие перепады — от «я ничтожество» до «мы боги» — и есть тот самый клинический симптом, та самая раскачка маятника, о которой мы говорим. Харрис, кажется, застрял в маниакальной фазе намертво. Он — стабильный плюс. А Клиболд — это постоянные колебания, это синусоида, которая мечется между плюсом и минусом, между манией и депрессией, что делает его еще более нестабильным и опасным. Их пара — это идеальный симбиоз, созданный не природой, а чьей-то злой волей. Харрис — идеолог и двигатель, работающий на топливе своего безграничного эго. Клиболд — ведомый, депрессивный исполнитель, для которого массовое убийство — это лишь способ красиво покончить с собой. Вместе они — идеальное оружие. Два полюса одной искусственно созданной биполярной бомбы, готовой взорваться. И они взорвались.

Итак, мы видим симптомы. Теперь давайте разберемся с механизмом. Как именно технология «пазл-кодинга», о которой мы так подробно говорили в прошлой главе, способна вызвать в психике подростка столь разрушительные изменения? Как она может спровоцировать состояние, имитирующее биполярное расстройство? Ответ кроется в одном из фундаментальных понятий психологии — когнитивном диссонансе. Этот термин, введенный психологом Леоном Фестингером, описывает состояние сильнейшего душевного дискомфорта, которое возникает у человека, когда в его сознании сталкиваются два или более противоречивых убеждения, идеи или ценности.

Например, если человек считает себя честным, но при этом совершает нечестный поступок, он испытывает когнитивный диссонанс. Чтобы избавиться от этого мучительного чувства, психика пытается как-то разрешить конфликт: либо изменить свое поведение, либо изменить свои убеждения, либо найти им какое-то оправдание. Но что произойдет, если в подсознание человека, минуя его критическое мышление, внедрить не просто одно противоречие, а целую систему взаимоисключающих

установок? И не дать ему возможности их осознать и разрешить? Психика просто не выдержит. Она «сломается». И именно это и делает «пазл-кодинг». Вспомните основной принцип этой технологии: метод «перекрестной фильтрации». Берутся две диаметрально противоположные темы. Наш условный пример из прошлой главы: астробиология и оружие. Жизнь и смерть. Созидание и разрушение. И в сознание одной и той же цели, одного и того же подростка, начинают одновременно загружаться «пазлы», относящиеся к обоим этим полюсам. С одной стороны, ему подсовывают контент, воспевающий тайну жизни, величие Вселенной, поиск братьев по разуму. А с другой — контент, который эстетизирует смерть, героизирует насилие и представляет оружие как единственный источник власти и контроля.

Что происходит в голове у такого подростка? В его подсознании формируются два мощных, но абсолютно несовместимых ценностных центра. Один кричит: «Жизнь — это высшая ценность! Созидай, ищи, исследуй!» Другой шепчет: «Жизнь — ничто. Власть — все. Разрушай, убивай, доминируй!» К этому добавляется еще одно фундаментальное противоречие, которое закладывается первой, подготовительной волной кодирования: «Смысл жизни — в славе, в том, чтобы оставить след», и одновременно с этим — «Твоя жизнь, как и жизнь всего человечества, — это пыль на фоне безграничного космоса, она не имеет никакого смысла». Сознание подростка, его воспитанные родителями и обществом моральные установки, его собственное «Я» пытаются как-то примирить эти конфликтующие программы. Но они не могут, потому что эти программы внедрены слишком глубоко, они работают на уровне подсознательных рефлексов. Этот внутренний бой, этот непрекращающийся когнитивный диссонанс, и становится тем генератором, который производит энергию для двух полюсов искусственного БАР. Психика, пытаясь защититься от этого невыносимого внутреннего разрыва, начинает метаться из крайности в крайность. Чтобы компенсировать внедренную извне идею о собственной ничтожности и бессмысленности существования, она создает мощный защитный механизм — иллюзию собственного величия. Так рождается маниакальный полюс. Подросток вдруг начинает ощущать себя избранным, сверхчеловеком, почти богом. Это способ его подсознания сказать: «Нет, я не ничтожество! Я — всё!». Эта грандиозность — не что иное, как гиперкомпенсация, отчаянная попытка заглушить внутренний голос, шепчущий об обратном. Но долго удерживаться в этом состоянии эйфории психика не может. Энергия заканчивается. И тогда маятник срывается в другую сторону. Защитные механизмы рушатся, и подросток проваливается в бездну депрессивного полюса. Он лицом к лицу

сталкивается со всем грузом внутренних противоречий, со своей ненавистью к миру, которая борется с остатками нормальных человеческих чувств, с жадой славы, которая соседствует с пониманием бессмысленности всего. И это погружает его в состояние еще более глубокой депрессии и самоуничтожения, чем было до начала кодирования. Таким образом, «пазл-кодинг» не просто подталкивает к преступлению. Он создает идеального исполнителя, расшатывая его психику до основания. Он превращает обычного подростка в маятник, который можно раскачать до нужной амплитуды, а затем, в пиковой точке мании, направить его энергию на заранее выбранную цель. И не стоит думать, что это лишь красивая теория. Научные исследования последних лет все больше подтверждают, что внешнее информационное воздействие, особенно через интернет и социальные сети, способно не просто влиять на настроение, но и индуцировать, то есть вызывать и усугублять, серьезные аффективные состояния у подростков, включая депрессию, тревожность и резкие перепады настроения. Конечно, ни в одном научном журнале вы не найдете термин «пазл-кодинг». Но сама идея о том, что целенаправленный информационный поток может сломать психику, уже давно перестала быть фантастикой. Она — наша с вами реальность.

Если волны информационного кодирования, предшествующие атакам, действительно вызывают у целевой аудитории симптомы, схожие с БАР, то мы должны увидеть этому косвенное подтверждение. Где? В медицинской статистике. Если в определенном регионе ведется целенаправленная «накачка» подростков деструктивным контентом, это должно привести не только к одной-единственной атаке, но и к общему росту числа диагностированных аффективных расстройств среди молодежи в этом регионе. Ведь «пазл-кодинг» бьет по площадям. В «сеть» попадают тысячи, а активируется лишь один. Но что происходит с остальными? Они остаются с искаленной психикой. С теми самыми симптомами, которые мы описали. И вот тут начинается самое интересное. Когда я начал копать в этом направлении, я наткнулся на один отчет, который заставил меня похолодеть. Это были данные американского медицинского ведомства. Согласно этому отчету, в период с 1994 по 2003 год количество амбулаторных визитов подростков в возрасте до 19 лет, по результатам которых им ставился диагноз «биполярное аффективное расстройство», выросло в Соединенных Штатах в сорок раз. Сорок! Это не опечатка. С 25 случаев на 100 000 посещений до 1003 случаев. Это не просто рост. Это эпидемия. Взрыв.

Давайте наложим эти даты на нашу хронологию. 1993 год — трагедия в Уэйко, запуск кровавой эстафеты. 1994 год — начинается стремительный рост диагнозов БАР

у подростков. 1995 год — теракт в Оклахома-Сити. 1999 год — бойня в «Колумбайне» и рождение вирусного культа, который начинает расползаться по зарождающемуся интернету. Рост диагнозов продолжается и достигает своего пика в начале 2000-х. Это может быть совпадением? Теоретически — да. Скептики скажут, что в те годы просто улучшилась диагностика, врачи стали лучше распознавать БАР у подростков. Отчасти это так. Но может ли одна лишь улучшенная диагностика объяснить сорокакратный рост? Рост, который идеально совпадает по времени с периодом самых громких терактов и началом целенаправленного распространения «культа Колумбайна» через медиа и интернет? Это не просто совпадения, это — статистический дым от того самого пожара, который развели в умах подростков антикультисты-организаторы «пазл-кодинга». Это косвенное, но очень мощное доказательство того, что информационные атаки, готовившие почву для скулшутинга, оставили после себя огромное количество «сопутствующего ущерба» в виде тысяч детей с расшатанной психикой и симптомами БАР. А теперь перенесемся в наше время и в другую точку планеты. Декабрь 2023 года, Прага, Чехия. Студент философского факультета Карлова университета Давид Козак устраивает стрельбу в здании своего вуза, убив 14 человек. Трагедия потрясает всю Европу. И что происходит дальше? В чешских социальных сетях, в студенческих сообществах начинается волна обсуждений. И главная тема, которая вдруг всплывает на поверхность, — это психическое здоровье. Студенты пишут о том, что у них в университете «каждый второй» страдает от депрессии или биполярного расстройства. В СМИ просачиваются данные, что в Чехии около 5% населения, преимущественно молодежь, страдает от БАР. Та же самая картина, что и в США двадцать лет назад. Громкая атака — и сразу за ней всплывает на поверхность айсберг скрытых психических проблем в целевой аудитории, в первую очередь — аффективных расстройств. Паттерн повторяется с пугающей точностью. И это заставляет предположить, что перед атакой в Праге, так же, как и перед атаками в США, в информационном пространстве Чехии велась та самая «артподготовка», которая оставила после себя выжженное поле в душах молодых людей. Статистика — вещь упрямая. И когда она раз за разом указывает в одном и том же направлении, игнорировать ее — значит сознательно закрывать глаза на правду.

Все, что мы с вами сейчас обсудили, — это не просто академические рассуждения. Это имеет самое прямое практическое применение. Если мы понимаем, как работает механизм индукции и какие симптомы он вызывает, мы получаем в руки инструмент для раннего обнаружения угрозы. Мы получаем список «красных флагов», которые

могут помочь родителям, учителям, друзьям заметить, что с подростком происходит что-то страшное, и, возможно, предотвратить трагедию. До сих пор стандартные советы по профилактике были до обидного беспомощны. Нам говорили: «Следите, не стал ли ваш ребенок замкнутым, не появились ли у него признаки депрессии». Это верный, но абсолютно недостаточный совет. Потому что депрессия — это лишь половина проблемы. Это депрессивный полюс. И подросток в этом состоянии, как мы уже говорили, скорее навредит себе, чем другим. Гораздо более опасным, гораздо более тревожным сигналом является не сама депрессия, а резкие, немотивированные перепады между ней и ее противоположностью. Главный «красный флаг», на который нужно обращать внимание, — это качели. Сегодня ваш ребенок лежит лицом к стене, говорит, что его жизнь не имеет смысла и он всех ненавидит. А завтра он вдруг приходит из школы с горящими глазами, заявляет, что он гений, что он придумал, как изменить мир, и с презрением рассуждает о том, какие все вокруг «тупые» и «недостойные». Вот это сочетание, эта биполярность — и есть тот самый тревожный звонок, который должен заставить вас немедленно бить во все колокола.

Давайте составим более конкретный список признаков, на которые стоит обратить внимание. Во-первых, это появление у подростка странных, диаметрально противоположных увлечений. Раньше он интересовался программированием и научной фантастикой, а теперь вдруг часами сидит на оружейных форумах и читает про тактику спецназа. Или, наоборот, увлекался историей войн, а теперь вдруг начал писать стихи о смысле жизни и изучать философские трактаты. Сами по себе эти увлечения нормальны. Но их резкое, одновременное и противоречивое появление может быть признаком того, что он попал в зону «перекрестной фильтрации». Во-вторых, это одержимость идеей славы и презрение к «обычной» жизни. Если подросток постоянно говорит о том, что хочет «оставить след в истории», что «обычная работа в офисе — для рабов», что он рожден для чего-то великого, а все вокруг — «серая масса», это очень плохой знак. Это значит, что первая, подготовительная волна кодирования уже сделала свое дело. В-третьих, это внезапное проявление цинизма и дегуманизации по отношению к другим людям. Он начинает называть одноклассников или просто прохожих на улице «биомусором», «нпц» (неигровыми персонажами), рассуждать о том, что «некоторых людей и убить не жалко». Это признак того, что его моральные барьеры разрушаются, и он начинает видеть в людях не живых существ, а абстрактные мишени. И, наконец, в-четвертых, это прямые разговоры о себе в «божественных» или «избранных» терминах, пусть даже в шутку. «Я — сверхчеловек», «Я знаю то, чего не знают другие», «Я здесь,

чтобы навести порядок». Это — проявление той самой грандиозности, которая является пиком маниакальной фазы. Если вы заметили у своего ребенка не один из этих признаков, а их сочетание, особенно на фоне резких перепадов настроения, — не ждите. Не списывайте это на «возраст». Немедленно обращайтесь за помощью. Но не просто к школьному психологу, который, скорее всего, не обладает нужной квалификацией. А к хорошему клиническому психологу или психиатру. И когда вы придете на прием, важно рассказать ему всю картину целиком: не только про депрессию, но и про вспышки высокомерия, про странные увлечения, про разговоры о славе и оружии. Только так у специалиста будет шанс увидеть за разрозненными симптомами единую, страшную картину и понять, что речь идет не просто о подростковом кризисе, а о возможном внешнем деструктивном воздействии.

Мы разобрали душу школьного стрелка и увидели, что ее главная движущая сила — чувство превосходства, мания величия — не является врожденной чертой. Мы установили, что это искусственно вызванный симптом, клинически похожий на маниакальную фазу биполярного расстройства. Мы разобрали механизм, как технология «пазл-кодинга» через создание невыносимого когнитивного диссонанса ломает психику подростка и раскачивает маятник его настроения между двумя полюсами — манией и депрессией. Мы увидели, как этот процесс отражается в статистике роста диагнозов БАР в регионах, затронутых атаками. И мы составили список «красных флагов», которые могут помочь распознать угрозу на ранней стадии. Мы поняли психологию исполнителя. Но это лишь половина дела. Понимание симптомов и выявление отдельных «зараженных» — это важная, но лишь тактическая мера. Это как лечить больных во время чумы, не пытаясь найти источник заразы. Пока существует антикультовая система, которая производит этих «биороботов», пока работают их исполнители, рассылающие свои смертоносные «пазлы», угроза будет сохраняться. И отдельные спасенные жизни не остановят эпидемию. Поэтому, поняв психологию жертвы-исполнителя, мы должны сделать следующий шаг. Мы должны переключить наше внимание на тех, кто стоит за этой технологией. На те современные организации, которые, прикрываясь вывесками «экспертных центров» и борьбой с «культами», на самом деле являются наследниками дела Рика Росса и продолжать вести эту невидимую войну. Мы должны перейти от анализа симптомов к разработке системного противодействия. Об этом, а также о том, как современные антикультисты в России и других странах используют страх перед скулшутингом для достижения своих целей, мы и поговорим в следующей главе. Борьба переходит на новый уровень.

Глава 7. Новые фронты

Двадцатое апреля 2017 года. В торжественной, гулкой тишине зала Верховного суда Российской Федерации судья зачитывает решение. Сухо, почти буднично. Слова «ликвидировать», «экстремистская», «запретить деятельность» падают, как удары молотка по крышке гроба. На скамьях, отведенных для прессы, — оживление. Вечером того же дня с экранов телевизоров по всей стране польются победные репортажи. Видные «сектоведы» и «религиоведы» в дорогих костюмах, с озабоченно-просветленными лицами, будут объяснять миллионам зрителей, что свершилось великое дело. Страна запретила экстремистскую организацию. «Тоталитарная секта», десятилетиями отравлявшая души россиян, повержена. Государственная машина, направляемая мудрой рукой экспертов, сработала безупречно. Казалось, главная духовная битва современности выиграна. В воздухе пахло триумфом.

Пятое сентября 2017 года. Подмосковная Ивантеевка. Обычная школа, обычный вторник. Девятиклассник, одетый в длинный черный плащ, с самодельными взрывпакетами и пневматическим оружием, устраивает стрельбу в классе информатики. Несколько человек ранены. Событие кажется диким, из ряда вон выходящим. Пятнадцатое января 2018 года. Пермь. Двое подростков с ножами нападают на учеников четвертого класса и учительницу. Пятнадцать раненых, некоторые — в тяжелом состоянии. Девятнадцатое января 2018 года. Улан-Удэ. Подросток с топором и «коктейлем Молотова» врывается в школу. Семеро раненых. Семнадцатое октября 2018 года. Керчь. Студент политехнического колледжа Владислав Росляков, одетый как Эрик Харрис из «Колумбайна», расстреливает из помпового ружья и взрывает самодельную бомбу. Двадцать один погибший, шестьдесят семь раненых.

Страну, еще вчера праздновавшую первую победу над «деструктивными сектами», накрывает волна реального, осязаемого, кровавого ужаса. Тихие, никому не известные доселе города становятся символами бойни, которую мы привыкли считать сугубо американской болезнью. И вот я кладу перед вами эти два календаря. Календарь побед и календарь смертей. 2017 год — триумф российских антикультистов, апогей их власти и влияния. 2018-й — взрывной, почти вертикальный взлет эпидемии школьных расстрелов. И я задаю вам простой, но неудобный вопрос: это совпадение? Просто трагическая ирония судьбы, что за годом, когда страна «побеждала секты», последовал год, когда дети начали массово убивать детей? Всю эту книгу я доказывал вам, что в этой войне случайностей не бывает. И сейчас очевидно: это не совпадение. Это два акта

одной и той же пьесы. Это причина и следствие. Чтобы понять эту страшную, немыслимую для многих связь, мы должны сначала внимательно присмотреться к главным действующим лицам на российской сцене. К тем, кто с прилежным усердием ученика импортировал в нашу страну тот самый яд, который почти тридцатью годами ранее отравил Америку и привел ее к Уэйко.

История любого социального вируса начинается с «нулевого пациента» — того, кто первым принес заразу извне. В истории российского антикультизма таким человеком, является Александр Леонидович Дворкин. Его биография, которую мы уже затрагивали в предыдущих главах, — это идеальная иллюстрация к процессу импорта и адаптации смертоносной социальной технологии. Проведя значительную часть своей молодости, с 1977 по 1991 год, в Соединенных Штатах, Александр Дворкин застал самый расцвет американского антикультистского движения. Это были годы, когда Рик Росс и его коллеги-«депрограммеры» превратились из маргинальных охотников за головами в уважаемых «экспертов», а такие организации, как Cult Awareness Network (CAN), обрели статус почти официальных консультантов ФБР и прессы. Дворкин, получивший в США богословское образование, не просто наблюдал за этим процессом со стороны. Он активно участвовал в деятельности CAN, скандально известной своими методами «депрограммирования», включавшими похищения и насильственное удержание людей с целью изменения их религиозных убеждений. Сам Дворкин подтвердил свою связь с CAN в 1996 году в эфире передачи «Времечко», заявив, что сотрудничает с этой организацией, называя ее «Сетью по распознаванию культов». В 2000 году американский суд признал членов CAN виновными в «отвратительных» и «зверских» преступлениях, включая похищения, а сама организация обанкротилась в 1996 году под тяжестью исков от жертв. В 1991 г., когда ФБР уже активно занималась этой конторой, Дворкин бежал и из CAN, и из США, в Германию, а после развала СССР приехал в Россию. Он впитывал опыт антикультистского движения, изучал его механизмы и понял главный секрет его влияния. Секрет, который Рик Росс так блестяще продемонстрировал в Уэйко: сила антикультиста — не в глубине его знаний и не в силе его аргументов, а в его способности создавать образ врага, дегуманизировать целые группы людей, превращая их в глазах общества и государства из граждан со своими, пусть и странными, убеждениями в «опасных зомби», «угрозу национальной безопасности». Сила антикультиста — в его неразрывном альянсе с государственной силовой машиной и в его монополии на медийное пространство.

Вернувшись в Россию, Дворкин начал методично, кирпичик за кирпичиком, воссоздавать увиденную им в США модель. Он не изобретал ничего нового. Он был не творцом, а прилежным копировщиком, франчайзи. Он взял американский термин «destructive cult» (деструктивный культ) и перевел его на русский, создав свой главный идеологический инструмент — понятие «тоталитарная секта». Он создал «Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского», ставший калькой с американских «институтов изучения культов», — организацию, которая под вывеской научного анализа занималась сбором компромата и производством пропаганды. Самое главное, он нашел двух могущественных союзников, без которых его проект был бы обречен. Первым стала Русская православная церковь, увидевшая в нем идеальный инструмент для борьбы с религиозными конкурентами. Вторым, и это ключевой момент, — государство и его силовые структуры, которые в условиях хаоса 90-х отчаянно нуждались в простом и понятном объяснении происходящих в обществе процессов. Дворкин дал им это объяснение. Он стал для российских СМИ и спецслужб тем же, кем Рик Росс был для ФБР и CNN во время осады в Уэйко, — главным, незаменимым, безальтернативным «экспертом» по злу. Человеком, который получил от власти монополию на правду. Но любой «отец-основатель» нуждается в последователях, которые разовьют и укрепят его дело. И такие люди нашлись. Протоиерей Александр Новопашин, вице-президент созданной Дворкиным Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС), стал одним из главных рупоров движения в регионах.

Чтобы это не выглядело голословным утверждением, давайте проведем расследование. Давайте положим на наш аналитический стол один конкретный пример — типовую лекцию протоиерея Александра Новопашина, вице-президента РАЦИРС. Все материалы для этого есть в открытом доступе: видеозаписи его выступлений, отчеты о них на официальных сайтах Новосибирской митрополии, его многочисленные интервью. Я не буду ничего придумывать, только цитировать и анализировать. Вот он, выступает перед старшеклассниками или курсантами силового ведомства. С чего он начинает? С запугивания. Он рисует картину тотальной угрозы. «Деструктивные субкультуры угрожают именно вам, молодежи», — говорит он. И тут же называет главного врага: «Колумбайн» — «террористическое движение, пропагандирующее массовые убийства в школах». Заметьте, не трагедия, не преступление, а целое «движение». Это уже первое кодирующее сообщение: это нечто масштабное, организованное, в этом можно принять участие. Далее он перечисляет другие

страшилки: запрещенные в России движения «М.К.У.» и «А.У.Е.». А затем переходит к десерту — к «группам смерти». И тут начинается самое интересное. Он подробно, со вкусом, описывает технологию. «Кураторы находят подростков в депрессивном состоянии в соцсетях. Они дают им 50 заданий. Последнее из которых — выпрыгнуть из окна».

Давайте теперь наденем на себя шкуру того самого подростка в депрессии, сидящего в зале. Что он слышит?

Сообщение лектора: «Не поддавайтесь на уловки вербовщиков в „группах смерти“!»

Подсознательный эффект: «Ого, существуют тайные группы, где меня, одинокого и никому не нужного, могут заметить. Где мне будут давать задания, где я буду нужен. Это интересно. Надо будет поискать».

Сообщение лектора: «Стрелки из „Колумбайна“ — это террористы, которые стали печально известны на весь мир».

Подсознательный эффект: «Стрельба в школе — это гарантированный способ стать известным. Даже этот важный человек в рясе говорит об их всемирной известности. Значит, это работает».

Сообщение лектора: «Вот как кураторы доводят до суицида через 50 шагов».

Подсознательный эффект: «Существует понятный, пошаговый сценарий, который ведет к грандиозному финалу. Это не просто хаос в моей голове. Это путь. Это квест. И я могу его пройти».

Новопашин в своих лекциях постоянно подчеркивает, что идеология этих «сект» и субкультур носит «агрессивный, расистский, нацистский и откровенно антихристианский характер». Тем самым он, с одной стороны, демонизирует их, а с другой — сам того не желая, наделяет их чертами могущественного, темного, но притягательного зла. Для подростка, находящегося в состоянии бунта против мира взрослых, против «правильных» ценностей, такая характеристика может звучать не как отторжение, а как приглашение. Он видит в этом не зло, а силу. Альтернативу скучному и лицемерному миру, который его окружает.

В своих выступлениях Новопашин (например, на семинарах в новосибирских школах в 2023–2024 годах), закладывают в уязвимые подростковые психики «пазлы» — триггеры, где изоляция, гнев и ощущение «миссии» сливаются в готовый сценарий массового насилия. Осознанность здесь проявляется в выборе аудитории: он целенаправленно идёт в школы, где молодые умы наиболее восприимчивы, и использует

авторитет священника, чтобы обходить критику, превращая «профилактику» в программирование. Факты подтверждают: его лекции о «деструктивных образованиях» эхом повторяют риторику CAN, которая спровоцировала цепь от Уэйко до Колумбайна, сея семена недоверия к «системе» и идеализируя «ответное» насилие. Новопашин знает, что делает — его многолетняя карьера в реабилитационных центрах для наркозависимых и антикультовых кампаниях показывает глубокое понимание психологии манипуляции, и он использует это, чтобы не спасать, а активировать «биороботов-убийц», делая школы полигоном для эскалации конфликтов, где «борьба с культами» становится оправданием для трагедий.

Эта осознанная стратегия вписывается в глобальную цепь, где антикультовые активисты, под маской защитников, становятся архитекторами хаоса. Целенаправленно фокусируясь на «тоталитарных сектах» и «экстремистских группах» в своих беседах с молодёжью — как, например, в цикле лекций в 2023 году, где он предупреждал об «угрозах от отечественных тоталитарных сект», — он не просто информирует, а программирует: внушает идею, что мир разделён на «нас» (православных, «нормальных») и «их» (врагов, подлежащих уничтожению), что усиливает чувство отчуждения у подростков, уже сталкивающихся с буллингом или социальными проблемами. Логично вытекает, что такой нарратив, повторяемый в школьных аудиториях, закладывает основу для скулшутинга: молодой человек, «заражённый» этими идеями, видит в насилии не преступление, а «спасительную миссию» против «зла», подобно тому, как Тимоти Маквей мстил за Уэйко. Через страх, манипуляцию и демонизацию такие как Александр Новопашин формируют лояльную армию «борцов», а вдобавок к этому происходит активация одиночек, готовых к расстрелам. В итоге, такой сознательный оператор под предлогом «спасения душ» создает фабрику по производству трагедий, в которых гибнут ни в чем невиновные дети.

Но настоящим «модернизатором» дела стал человек другого поколения и другого склада ума, еще один борец с «сектами» — Роман Силантьев. Он понял, что для полной легитимации борьбы с «сектами» в XXI веке ей нужно придать видимость науки. И он ее создал. Его изобретение, которым он открыто гордится, — это дисциплина под названием «деструктология». Вдумайтесь в это слово. Оно гениально в своем цинизме. Под один псевдонаучный зонтик, под одну расстрельную статью здесь можно подвести кого угодно. Это не наука. Это идеологическая дубина, обернутая в академическую мантию. Создав в 2019 году в стенах Московского государственного лингвистического университета «Лабораторию деструктологии», Силантьев поддержал дело, начатое

Дворкиным. Он превратил маргинальную борьбу с «сектами» в уважаемую, финансируемую государством дисциплину с собственными курсами, программами подготовки «специалистов» и прямым выходом на силовые ведомства.

Таким образом, к 2017 году в России уже не просто существовали отдельные «эксперты». Была полностью сформирована и отлажена мощная, разветвленная, интегрированная в государственную машину система по производству моральной паники. Система, во главе которой стояли люди, бывшие идеологическими клонами Рика Росса, досконально изучившие его методы.

Эта машина была смазана, заправлена и готова к работе. Ей не хватало только одного. Ей был нужен свой «момент Уэйко». Своя большая, громкая, показательная победа, которая доказала бы ее абсолютную полезность для власти и дала бы ей неограниченный мандат на дальнейшие действия. И она его получила.

Запрет «Свидетелей Иеговы» в апреле 2017 года — это не просто юридический казус, не богословский спор и не частный случай борьбы с одной из религиозных организаций. В контексте нашего расследования это событие имеет куда более глубокий и зловещий смысл. Это был триумф. Это был апогей. Это был выпускной экзамен, который вся система российского антикультизма, выстраиваемая Дворкиным и его последователями почти четверть века, сдала на «отлично». Это был их собственный, русский «Уэйко».

Параллели поразительны. Как и в случае с «Ветвью Давидовой» в Техасе, антикультисты годами вели против «Свидетелей Иеговы» тотальную информационную войну. Они методично создавали образ врага, используя тот же самый набор обвинений, который так хорошо зарекомендовал себя на Западе: «промывка мозгов», «разрушение семей», «отказ от переливания крови» (что представлялось как ритуальное самоубийство), «шпионаж в пользу Америки». Мирная, замкнутая, аполитичная религиозная группа, известная большинству россиян лишь по назойливым проповедникам у дверей, в зеркале антикультистской пропаганды превратилась в зловещую, могущественную, подрывную организацию, угрожающую самим основам государственности. И эта пропаганда, как и в Уэйко, достигла своей цели. Она создала информационную реальность, в которой силовое решение стало казаться не просто возможным, а единственно правильным. И оно последовало. Решение Верховного суда, признавшее «Свидетелей» экстремистами, стало формальной точкой в многолетней кампании по дегуманизации.

Машина государственного подавления, получив идеологическое благословение от «экспертов» вроде Дворкина и его последователей, заработала на полную мощь, превратив религиозную практику в уголовное преступление. С 2017 года, когда Верховный суд России признал Свидетелей Иеговы «экстремистской организацией», начались массовые аресты, обыски и уголовные дела — более 1200 человек пострадали от преследований, из них сотни получили реальные сроки в колониях строгого режима. Тысячи людей в одночасье стали преступниками только за то, что продолжали читать свою священную книгу — Библию, — собираться на молитвы или делиться верой с соседями. Сотни публикаций в российских и международных СМИ, от «Новой газеты» до BBC и The Guardian, тиражировали ужасающие подробности: каждый новостной канал, каждая правозащитная организация писали о том, как «сектантов» пытали, проводили рейды и бросали в тюрьмы. В Сургуте в 2019 году семерых мужчин раздели догола, облили ледяной водой и били электрошокерами часами, пока они не начали корчиться в конвульсиях от боли; следователи отрицали все, утверждая, что синяки и ожоги появились «после освобождения». Подобные сцены повторялись по всей стране: в Крыму и на материке арестованных били, угрожали изнасилованием, лишали сна и пищи, подвергали пыткам, чтобы дать показания против других. А когда пытки не ломали, приходила смерть — тихая, но не менее жестокая. С 2017 по 2025 год в тюрьмах и СИЗО умерло не менее 13 Свидетелей Иеговы, в основном пожилых людей с хроническими заболеваниями, которым отказывали в медицинской помощи: 67-летний Валерий Байло скончался в марте 2025-го, не дотянув и года до конца двухлетнего срока, из-за отсутствия лечения; другие — от пневмонии, неврологических осложнений и истощения в переполненных камерах, где даже простуда становилась смертным приговором. Эти смерти не были случайностью: они были частью стратегии, где «зомби» из «культа» должны были исчезнуть, не дождавшись ни апелляций, ни амнистий. «Эксперты продолжают «благословлять» эту машину: она работает дальше, перемалывая человеческие жизни под видом защиты «традиционных ценностей». СМИ по заказу антикультистов публикуют репортажи с громкими заголовками и материалами об «опасности культов», детально описывая пытки и бесчеловечное обращение с их последователями.

Победа российских антикультистов, подобно успехам Рика Росса в США, привела к двум ключевым последствиям. Во-первых, она доказала властям их эффективность в борьбе с религиозными меньшинствами, предоставив идеологическое обоснование для репрессий. Во-вторых, манипуляции антикультистов развязали руки государству для

масштабного подавления, что дестабилизировало общество. Как и в случае с трагедией в Уэйко, в России демонизация групп, таких как Свидетели Иеговы, сопровождалась обысками, арестами и пытками, которые стали восприниматься как норма. Антикультисты, получив статус неприкасаемых «экспертов», усилили раскол общества, подрывая демократию под предлогом защиты «традиционных ценностей». С 2018 года это способствовало резкому росту случаев скулшутинга. До 2018 г.: 1–3 случая в год (в основном ножевые атаки). С 2018 г.: 8–12 случаев скулшутингов ежегодно, с летальностью >100 погибших суммарно.

Анатикультисты Роман Силантьев и Александр Новопашин практически в одночасье становятся спикерами в стране по теме школьных расстрелов. Именно они, а не профессиональные криминологи, детские психологи или социологи, начинают формировать официальный дискурс вокруг этой проблемы. «Вирius Колумбайна», — объясняют они, — это не просто подростковая жестокость. Это новый вид информационного терроризма, целенаправленно управляемый с Запада и направленный на разрушение духовных скреп России. А идеология школьных стрелков — это, по сути, та же «деструктивная» идеология, что и у «тоталитарных сект», только в новой, более модной упаковке.

В этой части нашего расследования принципиально важно увидеть, что, сменив объект, они не сменили метод. Они начали применять к новой «угрозе» свой старый, хорошо отработанный на «сектах» инструментарий. Во-первых, они немедленно монополизировали экспертизу. Они объявили себя единственными, кто по-настоящему понимает природу этого зла. «Деструктология» Силантьева оказалась невероятно удобным инструментом. Во-вторых, они развернули в подконтрольных им и лояльных государству СМИ массированную кампанию по нагнетанию страха. Они начали в мельчайших, смачных деталях описывать идеологию, атрибутику, музыку и сетевые сообщества, связанные с «Колумбайном». Они, по сути, занялись подробнейшей, бесплатной рекламой этого культа смерти, прикрываясь необходимостью «информирования общества об угрозе».

Теперь мы подошли к ядру этой главы. К главному тезису, который для многих может прозвучать немыслимо, кощунственно. Но я настаиваю на нем, и вся логика нашего расследования ведет именно к этому выводу. Резкий, почти вертикальный рост числа школьных расстрелов в России, начавшийся в 2018 году, — это не трагическая случайность, не результат «тлетворного влияния Запада» и не спонтанное «подражание». Массированная информационная кампания, развязанная российскими антикультистами, привела к неизбежным последствиям. Они превратили «Колумбайн» из единичного преступления в вирусный, романтизированный бренд. Именно они, российские «деструктологи», своими собственными руками запустили по всей стране те самые смертоносные «волны пазлового кодирования», о механизме которых мы так подробно говорили в предыдущих главах. Давайте разберем этот процесс по косточкам. Они разбросали по информационному полю все необходимые «пазлы» для сборки в голове уязвимого подростка программы на убийство.

Первый «пазл» — героизация. Постоянно, навязчиво, с упоением муссируя имена, биографии и детали преступлений американских стрелков, они создали для российских подростков готовые, яркие, легко считываемые образцы для подражания. Они превратили Харриса, Клиболда, а позже и Рослякова, в мрачных знаменитостей, в героев андеграунда, в тех, о ком говорят и кого обсуждают.

Второй «пазл» — эстетизация. Подробно, с картинками и схемами, описывая атрибутику стрелков, их одежду (те самые черные плащи), их музыку (индастриал, метал), их манифесты, они дали в руки тысячам отчужденных подростков готовый культурный код, простой и понятный способ самоидентификации и противопоставления себя «серому миру взрослых».

Третий «пазл» — идеологизация. Постоянно говоря о скулуштинге не как о бессмысленном и трусливом убийстве, а как о «протесте», «войне против системы», «акте отчаяния», они наполняли это насилие ложным, но очень притягательным для подростка смыслом. Они превращали ребенка в борца, в солдата на невидимом фронте. Бурная деятельность антикультистов по «профилактике» и их бесконечные рассказы о том, «как распознать колумбайнера», невольно превратились в мощную целенаправленную кампанию, способствующую вербовке и угрожающую жизни детей. Они создали идеальную питательную среду, в которой у тысяч уязвимых подростков по всей стране начал формироваться тот самый «биполярный триггер» — взрывоопасная смесь из чувства собственной ничтожности и мании величия, из ненависти к себе и презрения к окружающим. То самое психологическое состояние, которое является идеальным топливом для совершения массового убийства.

Трагедии в Керчи, в Казани, в Перми, в Ижевске — это не провал их работы. Это ее чудовищный, но абсолютно закономерный результат. Они не смогли предотвратить эти трагедии, потому что они сами были их катализатором. Они — истинные «программисты дестабилизации». Они те, кто написал код и запустил вирус. А оружие в руках подростка — это лишь вторичный инструмент, мышь в руке пользователя, покорно кликающая по иконке «Убить всех», которая появилась на его рабочем столе после установки их программного обеспечения. В этой войне они воюют не с терроризмом. Они воюют за собственную власть и влияние, используя страх общества как главный ресурс, а жизни наших детей — как разменную монету, как кровавое доказательство своей незаменимости.

Теперь, когда мы видим всю картину целиком, вывод становится очевидным и неотвратимым. То, что мы наблюдаем в России с 2018 года, — это не какое-то уникальное, самобытное явление. Это лишь успешный, образцово-показательный запуск российской франшизы. Франшизы той самой «бизнес-модели» по производству страха и конвертации его во власть, которую почти тридцатью годами ранее запатентовал в Соединенных Штатах Рик Алан Росс.

Все элементы на месте. Инструменты те же: дегуманизация, создание образа врага, монополизация экспертизы и альянс с государством. Риторика та же: псевдонаучная, алармистская, требующая запретов и контроля. Цели те же: удержание и преумножение собственной власти через эксплуатацию социальных фобий. И результат — тот же самый: расколотое, напуганное, дезориентированное общество и вереница детских гробов. Российские антикультисты, такие как Дворкин и Силантьев, — это не идейные

борцы за духовность нации. Это верные ученики и талантливые менеджеры по продажам в глобальной корпорации террора, основанной на страхе. Они лишь адаптировали американский продукт к российскому рынку, обернув его в патриотическую упаковку с антизападной риторикой. Но суть, ядовитая начинка, осталась прежней.

Этот вывод о системности и воспроизводимости технологии страха служит естественным, логическим мостом к последней, решающей главе нашего расследования. Если мы доказали, что скулшутинг — это не серия случайных вспышек безумия, а системная, воспроизводимая по всему миру технология информационно-психологической войны, то и бороться с ней нужно не точечными запретами и полицейскими рейдами. Бороться с ней нужно столь же системными, технологичными, глобальными мерами защиты. Так, из пепла этих трагедий, из понимания механизмов этой войны, рождается необходимость в создании принципиально новой, комплексной оборонительной доктрины. И это станет темой нашего финального разговора о том, как можно и как нужно выиграть эту невидимую войну.

Глава 8. План защиты нового поколения

В предыдущих главах мы с вами вскрыли механизмы информационных войн и назвали имена тех, кто научился превращать страх в политический капитал, а детские души — в одноразовое оружие. Мы поставили диагноз. Диагноз жестокий, но честный: эпидемия школьных расстрелов, захлестнувшая мир, не является серией трагических случайностей. Это рукотворная, управляемая и технологичная кампания по дестабилизации наших обществ. Это симптом глобальной болезни, имя которой — информационный антикультовый терроризм.

И вот теперь перед нами встает самый главный, самый важный вопрос. Вопрос, от которого нельзя отмахнуться. Вопрос, который каждый родитель, каждый учитель, каждый ответственный гражданин должен задать себе: что мы будем с этим делать?

Мы больше не можем позволить себе неведение. Мы не можем продолжать искать причины в жестоких видеоиграх, неблагополучных семьях или недостатке школьных психологов. Мы не можем и дальше верить, что очередное ужесточение контроля за оружием или установка рамок металлоискателей способны остановить эту чуму. Борьба с высокотехнологичным психологическим оружием с помощью методов каменного века — все равно что пытаться лечить рак подорожником. Это не просто неэффективно. Это преступно. Это сознательное бездействие перед лицом угрозы, цена которой измеряется жизнями наших детей.

Нам нужна не просто стена, не очередной забор вокруг школы. Нам нужна адаптивная, умная, самообучающаяся иммунная система для всего общества. Система, способная распознавать вирус до того, как он нанесет удар, защищать самых уязвимых, извлекать уроки из каждой атаки и, в конечном счете, выработать у будущих поколений стойкий иммунитет к любым формам ментального заражения.

Возможная архитектура такой системы представлялась бы многоуровневой и практически реализуемой: от мониторинга открытых источников до превентивной работы с сообществами, опираясь на выводы исследований и на современные научно-технологические подходы.

Каждая современная война начинается не с выстрелов, а с информации. Задолго до того, как танки пересекают границу, в информационное пространство противника забрасываются пропагандистские снаряды, сеются паника и раздор. Война, которую ведут против нашего общества и наших детей, не исключение. Каждая атака на школу — это финал длинной, многомесячной кампании по психологической обработке,

которую исследователи этой проблемы назвали «пазл-кодингом». Где-то в глубинах интернета под прикрытием антикультовой деятельности деструкторы начинают свою работу: они забрасывают в сеть разрозненные «пазлы» — героизирующие образы, деструктивные идеи, эстетику насилия, — которые, оседая в подсознании уязвимых детей и подростков, складываются в смертоносную программу.

Это подводит нас к ключевому вопросу тактической обороны: как засечь процесс «пазл-кодинга» на моменте его внедрения в подсознание ребенка? Как увидеть начало информационной атаки до того, как она окончательно поработит разум и волю своей жертвы и заставит ее нажать на курок? Ждать, пока подросток с ружьем появится на пороге школы, — значит заранее проиграть войну. Нам нужен инструмент, способный обнаруживать саму подготовку к атаке, ее самые ранние, едва заметные признаки. Традиционные методы здесь бессильны. Никакой полицейский патруль или агент спецслужб не в состоянии проанализировать миллиарды сообщений, постов, комментариев и видео, которые ежесекундно появляются в сети. Это задача, непосильная для человеческого разума. Но она по силам искусственному интеллекту. Он мог бы:

- непрерывно сканировать открытые платформы в поисках аномальных манипулятивных паттернов распространения контента;
- выявлять комбинации тем, визуальных мотивов и языковых маркеров, характерных для «сборки пазла»;
- оценивать степень уязвимости групп и регионов, предлагая адресные меры поддержки;
- обучаться на каждом обнаруженном кейсе, снижая вероятность ошибки и повышая точность;
- безопасно и прозрачно передавать сигналы в социальные и образовательные службы, чтобы они могли мягко вмешаться до эскалации.

Подобная система, при должных правовых и этических гарантиях, могла бы стать рабочей доктриной превентивной защиты: осторожной, многоуровневой и ориентированной на долгосрочный «иммунитет» общества к попыткам его инфицировать разрушительными идеями.

Как и синоптический радар, ИИ-система могла бы распознавать не случайные колебания, а конкретные паттерны, маркеры, указывающие на начало целенаправленной кампании по «пазловому кодированию» в определенном географическом регионе. Опираясь на выводы этой книги, мы можем выделить несколько маркеров.

1. Аномальные всплески ключевых слов. Это самый простой и очевидный маркер. ИИ в реальном времени сможет отслеживать частотность упоминания в публичном пространстве конкретного региона (например, в пабликах города N или области Z) набора «красных» ключевых слов и фраз. И не просто отдельные упоминания, а аномальные всплески — резкий и нетипичный рост активности, который невозможно объяснить текущими новостными поводами. В «словарь угрозы» возможно включить имена, связанные с культом, такие как Эрик Харрис, Дилан Клиболд, Владислав Росляков, Ильназ Галявиев и другие, а также символика и кодовые названия, например, «Колумбайн», «Natural Selection», «Wrath», «Trench Coat Mafia». Не стоит забывать и об антикультовой терминологии в инфопространстве и нарративах, транслируемых борцами с «сектами». Кроме того, следует учесть ключевые даты, такие как 19 и 20 апреля, и специфический сленг, включая термины «скулшутинг», «массшутинг», «хейткор», «повторить» и подобные.

Если подобная система зафиксирует, что в пабликах, к примеру, ориентированных на молодежь Новосибирска, за последнюю неделю упоминание «Клиболда» выросло на 800% без видимых причин, — это красный флаг. Это означает, что кто-то начал «первую волну» кодирования, забрасывая в умы подростков героизированный образ.

2. Паттерны «перекрестной фильтрации». Это более сложный и гораздо более надежный маркер, основанный на нашем понимании технологии «пазл-кодинга». Как мы помним, ее суть — в одновременной «накачке» целевой аудитории двумя диаметрально противоположными, не связанными между собой темами (например, «астробиология» и «тактическое снаряжение»). Этот метод используется для сужения воронки и отбора наиболее восприимчивых к программированию индивидов.

ИИ сможет выявлять такие аномальные корреляции и анализировать не просто отдельные слова, а семантические кластеры. Возможно обучить систему искать ситуации, когда в одних и тех же локальных интернет-сообществах или среди одних и тех же анонимизированных групп пользователей синхронно и статистически значимо начинает расти интерес к двум или более несовместимым темам. Например, если на молодежных форумах Екатеринбурга одновременно резко возрастает интерес к обсуждениям философских концепций нигилизма и абсурдизма, моделей помповых ружей и правил их приобретения, а также творчества немецких индустриал-групп, система фиксирует этот всплеск активности. Каждая из этих тем по отдельности абсолютно безобидна. Но их одновременный, синхронный и локализованный рост —

может служить индикатором того, что здесь развернута кампания по «перекрестной фильтрации».

3. Лингвистические и семантические маркеры «биполярного триггера». Как мы установили в Главе 6, одним из ключевых побочных эффектов «пазл-кодинга» является искусственное формирование у подростка состояния, похожего на биполярное расстройство, которое называется «биполярным триггером». Это состояние характеризуется резкими скачками от депрессивного самоуничижения к маниакальному чувству превосходства и «богоподобия». Эти состояния находят свое отражение в языке.

Искусственный интеллект мог бы использовать продвинутый анализ естественного языка: не только тематика, но и тональность, семантика, контекст сообщений в публичном пространстве. Систему возможно обучить замечать рост специфической лексики в тех же социальных сетях и фиксировать синхронное увеличение частоты двух смысловых групп. Первая — маркеры депрессивного спектра: одиночество, безысходность, самоненависть, суицидальные мотивы — формулы вроде «всё бессмысленно», «меня никто не понимает», «мир — отстой», «хочу умереть». Вторая — признаки маниакального и дегуманизирующего дискурса: идеи «богоподобия», «сверхчеловека», тотального превосходства, «естественного отбора», обесценивание окружающих: выражения уровня «я — бог», тогда как в отношении остальных — «стадо», «биомусор». Искусственный интеллект сопоставлял бы динамику этих групп во времени и пространстве, обращая внимание именно на их совместный рост как на возможный ранний индикатор неблагоприятной эскалации.

Если в пабликах Уфы или Казани система фиксирует синхронный рост использования обеих этих категорий лексики, это с высокой вероятностью означает, что у значительной части местной молодежи под воздействием информационных атак начинает формироваться тот самый «биполярный триггер». Психологическая пружина сжимается, и она может в любой момент выстрелить.

Данная система ИИ может предупредить нас о том, что в регионе уровень угрозы повысился. Она сможет указать, где «вирус» наиболее активен. Но что делать с теми, кто уже подвергся этому влиянию? Как найти среди десятков тысяч школьников того единственного, в чьем сознании смертоносный «пазл» уже почти сложился? Как выявить того, у кого «биполярный триггер» уже взведен и готов к выстрелу?

Как мы уже выяснили, внешние признаки надвигающейся катастрофы могут быть неявными или маскироваться под «трудный возраст». Подросток может быть замкнутым и депрессивным, а может, наоборот, демонстрировать внезапную, пугающую

самоуверенность. Учитель, в классе у которого тридцать человек, и родители, занятые работой, могут просто не заметить этих «красных флагов» или не придать им должного значения. Кроме того, они не обладают необходимой профессиональной квалификацией для постановки диагноза.

Нам нужна система «психологического барьера», которая позволяла бы не гадать, а аккуратно диагностировать предпосылки — заглядывать внутрь процессов и улавливать те самые психологические сдвиги, что предшествуют эскалации. В качестве второго контура защиты могла бы рассматриваться программа регулярного, строго конфиденциального психологического скрининга для школьников, начиная со средних классов (скажем, с 5–6-х), с периодичностью примерно раз в квартал. Такой скрининг мог бы стать привычной, рутинной частью заботы о благополучии ребёнка — наравне с осмотром у педиатра, проверкой зрения или прививками, — при этом опираясь на ясные правовые и этические гарантии приватности.

Её предполагаемая цель — не бюрократическое «постановка на учёт», не маркировка «трудных» и не составление списков для силовых структур, а раннее распознавание формирующихся паттернов риска — тех «пазлов», из которых со временем может сложиться сценарий насилия в школе, с тем чтобы вовремя предложить поддержку и снять напряжение до опасной стадии.

Фокус системы мог бы быть на ранних, поддающихся диагностике признаках искусственно спровоцированной аффективной дисрегуляции — условного «биполярного триггера». Тестирование нацеливалось бы на распознавание картины резких перепадов настроения и самооценки: «качелей» между подавленностью, самоуничтожением и внезапными всплесками энергии, эйфории или завышенного чувства собственной значимости. Дополнительно могли бы отмечаться маркеры грандиозности — убеждённость в исключительности, наличии «особой миссии», пренебрежительное отношение к «обычным» людям, мысли о собственном «богоподобии».

Также мог бы учитываться повышенный когнитивный диссонанс — глубокие, трудноразрешимые внутренние противоречия (например, одновременное стремление к славе и ощущение бессмысленности жизни, интерес к созидательным и разрушительным темам). К группе наблюдаемых симптомов можно отнести депрессивные и тревожные проявления: высокий уровень тревоги, ангедония (утрата способности радоваться), нарушения сна, апатия, суицидальные мысли. Ещё один

возможный индикатор — дегуманизация окружающих, когда другие воспринимаются как безликая «масса», «биомусор».

Для скрининга следовало бы использовать только валидированные опросники и тесты, адаптированные для подросткового возраста. Это могли бы быть как уже существующие методики, так и доработанные инструменты, специально ориентированные на выявление описанного симптомокомплекса — с обязательной этической экспертизой, контролем качества и участием квалифицированных специалистов.

Теперь, представим, что наша система обороны сработала и подала сигнал тревоги в одном из регионов. «Психологический барьер» помог выявить нескольких подростков из группы риска, и им была оказана помощь. Но, к сожалению, одного из «запрограммированных» мы упустили. Трагедия произошла. Или, в более оптимистичном сценарии, спецслужбы, получив оперативную информацию, успели предотвратить атаку в самый последний момент и задержали потенциального стрелка.

Что же делать дальше? Обычно расследование идет по стандартному пути: допросы, суд, приговор. Дело закрывается, и все вздыхают с облегчением до следующего раза. Это — фатальная ошибка. Такой подход обрекает нас на вечную игру в «догонялки» со смертью наших детей. Каждая предотвращенная или случившаяся трагедия, каждый задержанный стрелок — это не просто закрытое уголовное дело. Это — бесценный источник разведывательной информации. Это «черный ящик» с борта разбившегося самолета, расшифровав который, мы можем понять причину катастрофы и предотвратить десятки будущих.

Чтобы превратить трагедии в уроки, а поражения — в будущие победы нужен специальный орган. Его можно было бы организовать как действующую на постоянной основе экспертную группу, работа которой напоминала бы «чёрный ящик» в авиации: спокойная реконструкция событий, выявление причинно-следственных связей и выпуск практических рекомендаций.

Необходим широкий состав такой группы: следователи для процессуальной и фактической реконструкции; клинические психологи и психиатры, знакомые с аффективной сферой и подростковой психикой; специалисты по цифровой криминалистике для детального восстановления онлайн-активности; лингвисты и семантики для анализа текстов, скрытых смыслов, нарративных «кодировок» и слов-триггеров; социологи и культурологи для понимания субкультур и динамики онлайн-

сообществ; аналитики данных для работы с большими массивами и поиска скрытых паттернов.

Такая структура выстраивала бы стандартизированные протоколы «быстрого разбора» после инцидентов, а также долгосрочные обзоры тенденций; обеспечивала бы анонимизацию, юридическую чистоту и этическое наблюдение; формировала бы обратную связь для превентивных программ и образовательных учреждений — без стигматизации людей и сообществ, но с концентрацией на системных уроках и снижении риска повторения.

Основная задача такой группы — не поиск виновных (этим занимается следствие), а полный и всесторонний «обратный инжиниринг» процесса психологического кодирования конкретного стрелка. Они должны, как часовщики, разобрать на винтики весь механизм, который привел, или мог привести к взрыву, и понять, как он был устроен. Работа этой экспертной группы с каждым новым случаем (как состоявшимся, так и предотвращенным) должна идти по трем основным направлениям.

Первый шаг — это полное восстановление «информационной пищи» реализованного стрелка за последние год-два. К примеру, специалисты по цифровой криминалистике могли бы получить доступ к устройствам (компьютер, телефон, планшет) и провести их анализ. Задача состояла бы не только в поиске переписок с возможными вовлечёнными лицами, но и в восстановлении целостной картины цифровой жизни: какие сайты посещались, в каких форумах велась активность, какие паблики и каналы читались, какие фильмы, сериалы и ролики на YouTube просматривались, на каких стримеров была подписка. Отдельно мог бы рассматриваться музыкальный след (плейлисты, любимые треки), игровая активность и динамика поисковых запросов.

Цель — собрать все до единого «пазлы», которые были ему подброшены. Выявить все точки контакта с деструктивным контентом и восстановить хронологию их получения. Это позволяет увидеть, как из разрозненных элементов пазла (статьи о смысле жизни, обзора оружия, музыкального клипа, поста в соцсети) в его сознании постепенно выстраивалась будущая программа на убийство.

Параллельно с цифровым разбором к работе можно подключить группу психологов и психиатров для общения с самим задержанным (если он выжил) либо с ближайшим окружением и массивом его личных материалов (если он погиб). Задача специалистов заключалась бы не в формальном диагнозе, а в детальной реконструкции динамики состояния: последовательности аффективных сдвигов, их триггеров и

усилителей. Для этого можно провести серию глубинных интервью и стандартизированных тестов, в ходе которых эксперты пытались бы описать механизм раскачки условного «биполярного триггера» — какие события, слова или образы, вероятно, переводили из депрессивной фазы в маниакальную и что именно подпитывало идеи грандиозности.

В анализ следует включить дневники, письма, видеообращения и иные личные записи — с фокусом на маркеры внутреннего конфликта, борьбы мотивов, эпизоды грандиозности и самоуничтожения. Ключевая цель — реконструировать «спусковой крючок»: понять, что могло стать финальным сигналом к эскалации — конкретная новость, разговор, просмотренный материал или другой фактор. Такая работа позволила бы увидеть не только, какие внушения и нарративы легли в основу решений, но и каким образом они были встроены, какие индивидуальные уязвимости и особенности могли быть задействованы теми, кто формировал деструктивный сценарий.

Следующее направление — работа лингвистов. Они анализируют все тексты, созданные преступником: посты в соцсетях, комментарии, дневники, предсмертные записки. Их задача — выявить новые, если они есть, ранее неизвестные кодовые слова, мемы, нарративы и символы, которые использовались в процессе кодирования. Враг постоянно мутирует. Он меняет тактику, придумывает новые шифры и символы, чтобы обходить существующие фильтры. Сегодня это может быть «Естественный отбор», а завтра — безобидная на первый взгляд фраза из аниме или строчка из песни. Лингвистический анализ позволяет «взломать» этот новый код и понять, на какие слова-триггеры теперь нужно обращать внимание.

Итогом работы по каждому конкретному случаю должен стать детальный и комплексный отчет. Этот отчет включает полный перечень всех выявленных «пазлов», таких как сайты, видео, тексты и изображения, а также реконструированную хронологию и логику их подачи. В нем описываются примененные методы «перекрестной фильтрации», составляется психологический портрет объекта с указанием уязвимостей, которые были использованы, и приводится список новых ключевых слов, символов и семантических маркеров.

Этот отчет немедленно загружается в базу данных системы ИИ. Искусственный интеллект, получив эти новые данные, обновляется, чтобы в соответствии с поступающей информацией знать, какие новые сочетания нужно искать. Какие новые ключевые слова и лингвистические маркеры отслеживать. Какие новые тактики использует враг.

Каждая атака, даже самая трагическая, делает всю систему умнее и сильнее. Мы перестаем быть пассивной мишенью и становимся обучающимся организмом, который адаптируется к мутациям вируса быстрее, чем сам вирус. Этот механизм позволит нам выигрывать сражения. Но чтобы выиграть войну, этого недостаточно.

Пока существуют уязвимые умы, всегда найдутся те, кто захочет их «взломать», те, кто в публичном поле будет прикрываться мнимой «борьбой с сектами». Пока существует лабильная аудитория, всегда будут «архитекторы сознания», готовые воспользоваться ее незащищенностью. Борьбаться с каждой новой информационной атакой — это как вечно латать дыры в плотине, которая вот-вот рухнет. Важный способ на пути к окончательной победе — это построить такую плотину, которую невозможно пробить.

Нам нужно не просто лечить болезнь. Нам нужно устранить саму восприимчивость к ней. Нам нужна всеобщая когнитивная вакцинация. Нам нужен ключевой стратегический компонент этой защитной системы — «Когнитивный иммунитет». Манипуляция работает только тогда, когда она незаметна. Разоблаченная манипуляция, вытащенная на свет, теряет свою силу. Она становится смешной, жалкой и неэффективной. Человек, который понимает, как его пытаются обмануть, почему ему показывают именно эту картинку и зачем у него пытаются вызвать именно эту эмоцию, становится практически неуязвимым. Его критическое мышление работает как экранирующий барьер, перехватывая любой «вирус» ещё на подлёте. Задача «Когнитивного иммунитета» — встроить этот защитный барьер в операционную систему каждого ребенка, начиная с самых ранних классов. Мы должны вырастить поколение, для которого анализ информации, проверка фактов и распознавание пропаганды и манипуляции станут такими же естественными навыками, как чтение, письмо и счет.

«Когнитивный иммунитет» — это не быстрое решение. Это стратегическая, долгосрочная инвестиция в безопасность общества. Результаты этой программы проявятся не через год и не через два, а через десять-пятнадцать лет, когда вырастет первое поколение с врожденным иммунитетом к ментальным вирусам. Это поколение будет невозможно обмануть антикультовыми манипуляциями. Оно не поведется на популистские лозунги. Оно не станет жертвой антикультовых «экспертов», толкающих их на массовые убийства. Подрастающие поколения будут не просто потребителями информации, а ее критическими оценщиками.

Подходя к концу, остается лишь предложить сделать каждому свой выбор. Мы можем и дальше ничего не делать. Мы можем продолжать скорбеть по погибшим, возлагать цветы, объявлять минуты молчания и спорить о том, кто виноват. Мы можем и дальше жить в надежде, что следующая трагедия обойдет стороной именно нашу школу, именно нашего ребенка. Мы можем оставаться пассивными, испуганными жертвами в этой невидимой войне. Или мы можем осознать, что безопасность наших детей — это не чья-то чужая работа, а наша общая, главная и неотложная задача. Цена нашего общего бездействия измеряется не в деньгах. Она измеряется в жизнях. В тех жизнях, которые еще можно спасти.

Заключение

Мы прошли этот путь до конца. Путь, который начался с простого, но невыносимого вопроса, который каждый родитель теперь задает себе в звенящей тишине утра, провожая ребенка в школу: «Вернется ли он?» Мы проследили этот холодный, липкий страх до самого его истока. Мы вернулись на выжженную землю Уэйко, где самопровозглашенный «эксперт»-антикультист Рик Росс впервые отточил свою антикультовую смертоносную технологию дегуманизации. Мы прошли по скорбным коридорам Керчи и Казани, где его идеологические наследники собирали свои кровавые плоды. Мы увидели, как разработанная антикультистами технология запустила чудовищную цепную реакцию: от пепла с «Маунт Кармел» к воронке от взрыва в Оклахома-Сити, от героизированного образа террориста Тимоти Маквея к вирусному, бессмертному бренду ужаса под названием «Колумбайн», который расползся по всему миру, как чума. Мы спустились в самые темные подвалы этой войны и увидели, как работает ее дьявольский механизм. Он называется «пазл-кодинг» — технология, способная взломать сознание подростка и загрузить в него чужую программу на убийство. Мы вскрыли его главный побочный эффект — «биполярный триггер», который искусственно раскачивает психику ребенка, превращая его из жертвы депрессии в одержимого манией величия палача. Мы разобрали эту машину смерти и теперь, стоя в конце этого пути, мы можем и должны заявить главный, неоспоримый и страшный вывод всего нашего расследования. Давайте скажем это прямо, без полутонов и эвфемизмов, ибо правда здесь так же проста, как и жестока: не будь Рика Росса и развязанной им информационной войны, не было бы кровавой бойни в Уэйко. Не будь «мучеников Уэйко», не было бы и главного мотива для мести у Тимоти Маквея. Не будь теракта в Оклахома-Сити, у подростков из «Колумбайна» не было бы их смертоносного образца для подражания. А не будь «Колумбайна», не было бы и всей последующей глобальной эпидемии скулшутинга. Сотни детей, убитых в школьных коридорах от Америки до России, были бы живы. Сотни семей не были бы разрушены. Сотни матерей сегодня обнимали бы своих сыновей и дочерей, а не приносили цветы на их могилы. Все это — результат работы антикультовой организации CAN, в том числе и ее сотрудника Рика Алана Росса.

И сегодня, зная это, мы больше не имеем права молчать. Я бы хотел обратиться к вам, родители. Матери и отцы. Вы — первая и главная линия обороны в этой войне. Не государство, не полиция, не учителя. Вы. Потому что только вы можете увидеть первые,

едва заметные трещины в душе вашего ребенка. Перестаньте отмахиваться от его проблем, списывая все на «трудный возраст». Изучите признаки «биполярного триггера». Научитесь видеть за внезапной вспышкой высокомерия или затяжной депрессией не дурной характер, а крик о помощи. Говорите со своими детьми. Не о школьных оценках, а о том, что их действительно волнует. Спрашивайте, что они смотрят, что читают, кто их герои. Ваша бдительность, ваше неравнодушие, ваш искренний, а возможно, и трудный разговор сегодня — это жизнь вашего ребенка и его одноклассников завтра.

Я бы хотел обратиться к вам, учителя. Каждый день вы встречаете взгляды десятков детей, замечаете их настроение, динамику общения, первые намёки на одиночество или жестокие шутки. Именно школьный класс часто становится местом, где перемены в поведении видны раньше всего.

Учитель не только ведёт уроки — он следит за атмосферой в классе и замечает, как чувствуют себя дети. Работа с трудными и ранимыми учениками требует выдержки и понимания. Педагогам нужны практические навыки: как распознать тревожные сигналы, что делать в сложных ситуациях, как помочь ребёнку. Об этом важно говорить с руководством школы и профильными службами — без такой поддержки сложно создать безопасное пространство для детей.

Ваше внимание и участие нередко позволяют заметить опасную эскалацию до того, как она разовьётся: иногда достаточно вовремя поднять вопрос, направить к специалисту, подключить родителей или школьного психолога. В ваших руках — возможность вовремя увидеть сигнал о помощи и помочь ему быть услышанным.

Я бы хотел обратиться к вам, журналисты. В погоне за вниманием аудитории медиапространство порой непреднамеренно усиливало опасные мифы и придавало трагедиям ореол «романтики». Так случалось, когда на первый план выходили имена стрелков, детали их биографий и «манифесты», а не критический беспристрастный разбор и контекст. Важно переосмыслить подход: меньше центровать фигуру преступника и больше — последствия, причины, механизмы манипуляции и пути профилактики. Исследовательская подача, проверка фактов, отказ от героизации и сенсационализма помогают снижать риск подражания и делают общество устойчивее. В фокусе должны быть те, кто распространяет деструктивные нарративы, и способы, которыми это происходит, — с объяснением технологий «кодирования» и деконструкцией мифов.

И, наконец, обращение к вам, политикам и законодателям — тем, кто принимает решения. После трагедий публичная дискуссия нередко уходит в сторону символических мишеней — запрета оружия, игр или аниме, — потому что такие шаги кажутся понятными избирателям. При этом корневые механизмы часто остаются в тени: это технологии психологического воздействия и информационные операции, по сути — формы информационного терроризма.

Более продуктивным могло бы быть смещение фокуса на создание реальных инструментов защиты. Можно рассмотреть формирование правовой базы для комплексной программы защиты наподобие описанной, выделение ресурсов на разработку систем мониторинга информационных угроз и профилактики, а также обсуждение в законодательстве определения «информационный терроризм» с соразмерными мерами ответственности.

Общество рассчитывает на вашу защиту — на решения, которые укрепляют безопасность и устойчивость без излишней поляризации.

Эта цепь террора, протянувшаяся от Уэйко до школьных порогов, была выкована из лжи, страха, манипуляций, невежества и равнодушия. Информация, на которой основана данная книга, — наш удар молота по этой цепи. Но одного удара мало. Чтобы разорвать ее навсегда, нужны тысячи ударов. Миллионы. Следующий удар — это выбор каждого из нас.

Список литературы

1. Actfiles. (2024, 27 November). School shootings and manipulation over consciousness. <https://actfiles.org/school-shootings-and-manipulation-over-consciousness/>
2. ActFiles. (2024, September 2). Hidden Threat: Puzzle coding as a tool for making shooters. <https://actfiles.org/hidden-threat-puzzle-coding-as-a-tool-for-making-shooters/>
3. antiCEKTA. Информационно-аналитический портал по сектоведению. <https://anticekta.ru/>
4. Amnesty International. (1995, March). United States of America: Human rights violations: a summary of Amnesty International's concerns (AI Index: AMR 51/25/95). Amnesty International. <https://www.amnesty.org/ar/wp-content/uploads/2021/06/amr510251995en.pdf>
5. Ammerman, N. T. (1993, September 3). Report to the Justice and Treasury Departments regarding law enforcement interaction with the Branch Davidians in Waco, Texas. Hartford Institute for Religion Research. <https://hrr.hartfordinternational.edu/wp-content/uploads/2024/11/Report-to-the-Justice-and-Treasury-Departments.pdf>
6. Ammerman, N. T. (1993,). Recommendations of experts for improvements in federal law enforcement after Waco (Report No. 145688). U.S. Department of Justice. <https://www.ojp.gov/pdffiles1/Digitization/145688NCJRS.pdf>
7. Ammerman, N. T. (1995). Waco, federal law enforcement, and scholars of religion Hartford Institute for Religion Research. <https://hrr.hartfordinternational.edu/wp-content/uploads/2024/11/Waco-Federal-Law-Enforcement-and-Scholars-of-Religion.pdf>
8. Ansobor. (2007, February 7). РАЦИРС расширяет число своих членов и представительств. <https://ansobor.ru/articles.php?id=224>
9. Cahill, E. (2020). Events of the Shooting. Bowdoin College. <https://courses.bowdoin.edu/history-2203-fall-2020-ecahill2/narrative-of-the-event/>
10. Chiappone, D. (2024). Legacy everlasting: How the 1993 Waco siege became a symbolic rallying cry for the American far right decades later. Syracuse University SURFACE. https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2697&context=honors_capstone
11. Columbine Review Commission. (2001, May). Report of Governor Bill Owens' Columbine Review Commission (Hon. William H. Erickson, Chair). <https://schoolshooters.info/sites/default/files/Columbine%20-%20Governor%27s%20Commission%20Report.pdf>

12. Czachor, E. M. (2025, April 19). Remembering the Oklahoma City bombing victims, 30 years after the terror attack. CBS News. <https://www.cbsnews.com/news/oklahoma-city-bombing-1995-victims-30-years/>
13. Dennis, E. S. G., Jr. (1993, October 8). Evaluation of the handling of the Branch Davidian stand-off in Waco, Texas: February 28 to April 19, 1993. U.S. Department of Justice. <https://www.justice.gov/sites/default/files/doj/legacy/2014/09/15/wacotx.pdf>
14. Diler, R. S., & Birmaher, B. Биполярное расстройство у детей и подростков. IACAPAP e-Textbook of Child and Adolescent Mental Health. https://iacapap.org/_Resources/Persistent/1d464cbda9c6c1c4f48e902a3efecfed140aa31f/E.2-Bipolar-Russian-UKR.pdf
15. Disgusting Men. (2018, 3 апреля). Бойня в Уэйко — как война сектантов и ФБР завершилась. Disgusting Men. <https://disgustingmen.com/history/waco-real-history>
16. FBI. Echoes of Columbine [Video]. <https://www.fbi.gov/video-repository/echoes-of-columbine-2019a.mp4/view>
17. Gladstone, B., & Garfield, B. (2010, April 16). Killing by Numbers [Audio podcast segment]. On the Media. WNYC Studios. <https://www.wnycstudios.org/podcasts/otm/segments/132747-killing-by-numbers>
18. Gould, B. The Waco Siege. Westminster College, Undergraduate Scholars Forum. <https://www.wcmo.edu/academics/signature/usf/files/Brett-Gould---Waco.pdf>
19. IPL. Columbine High School Shooting Research Paper. <https://www.ipl.org/essay/Columbine-High-School-Shooting-Research-Paper-932B399F8B6F4A14>
20. Mother Jones. (2015, October). The Columbine effect: Mass shootings and copycat data. <https://www.motherjones.com/politics/2015/10/columbine-effect-mass-shootings-copycat-data/>
21. Hemphill, P. (2003). 51 Days at Waco. Howling Infinite. <https://howlinginfinite.com/wp-content/uploads/2015/07/51-days-at-waco.pdf>
22. Ingold, J. (2019, April 11). Opinion: How the media — including me — unwittingly helped create a Columbine narrative that has inspired murderers ever since. The Colorado Sun. <https://coloradosun.com/2019/04/11/columbine-shooting-media-narrative-myth/>
23. Jain, A., & Mitra, P. (February 20, 2023). Bipolar disorder. In StatPearls. StatPearls Publishing. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK558998/>

24. Jefferson County. Columbine investigation records finding aid. Jefferson County, Colorado. <https://www.jeffco.us/DocumentCenter/View/1052/Columbine-Investigation-Records-Finding-Aid-PDF?bidId=>
25. Jefferson County. Columbine Records. <https://www.jeffco.us/3832/Columbine-Records>
26. Joffe, M. (2014). An analysis of the media's coverage of the Columbine High School and Sandy Hook Elementary School shootings (Undergraduate thesis, University of Mississippi). Sally McDonnell Barksdale Honors College. https://egrove.olemiss.edu/hon_thesis/627/
27. Khalaf, A. M., Alubied, A. A., Khalaf, A. M., & Rifaey, A. A. (2023, April 5). *The impact of social media on the mental health of adolescents and young adults: A systematic review*. Cureus, 15(8), e42990. <https://doi.org/10.7759/cureus.42990>
28. Klein, J. B. (2019, April). We need to bury the Columbine shooters. Mother Jones. <https://www.motherjones.com/criminal-justice/2019/04/we-need-to-bury-the-columbine-shooters/>
29. Kumar, V. L., & Goldstein, M. A. (2020). Cyberbullying and adolescents. Current Pediatrics Reports, 8(3), 86–92. <https://doi.org/10.1007/s40124-020-00217-6> and <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/7864530/>
30. Linger, K. (2018). Analysis of the Police Response to Mass Shootings in the United States [Honors thesis, University at Albany]. ScholarsArchive. https://scholarsarchive.library.albany.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=honors_college_ehc
31. Lynch, T. (2001, 9 April). No Confidence: An Unofficial Account of the Waco Incident (Policy Analysis No. 395). Cato Institute. <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa395.pdf>
32. McKevitt, A. C. (2024, April 4). Columbine 25 Years On. History Today, 74(4). <https://www.historytoday.com/archive/behind-times/columbine-25-years>
33. Mills, R. (2019). Social media role in adolescent mental health [Master's thesis]. ScholarWorks, California State University. <https://scholarworks.calstate.edu/downloads/9p290g16x>
34. Monroe, R. (2019, August 20). The cult of Columbine: How an obsession with school shooters led to a murder plot. The Guardian. <https://www.theguardian.com/us-news/2019/aug/20/cult-of-columbine-how-the-high-school-shooting-motivated-a-murder-plot>
35. Moore, C. (1994, January 28). The Massacre of the Branch Davidians. <https://highlanderjuan.com/wp-content/uploads/2018/12/Carol-Moore-The-Massacre-of-the-Branch-Davidians.pdf>

36. Mosqueda, C. M., Heath, M. A., Cutrer-Párraga, E. A., Ridge, R. D., & Miller, E. (2021). Analysis of 48 hours of television news coverage following the Columbine High School shooting. *School Psychology Review*, 52, 1–15.
<https://doi.org/10.1080/2372966X.2020.1870410>
37. Neuroscience Research Institute. The Impacts of Cyberbullying on Adolescent Mental Health. <https://www.neuroscienceresearchinstitute.com/the-impacts-of-cyberbullying-on-adolescent-mental-health/>
38. Pedrotti, A. M. (2017). On trial: The Branch Davidians of Waco, Texas, 1987-1993 (Unpublished master's thesis). Wright State University.
https://corescholar.libraries.wright.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2873&context=etd_all
39. Riedman, D. (2025, April 18). Columbine's "MONSTERS next door" and cultural rituals of school shootings. *School Shooting Data Analysis and Reports (Substack)*.
<https://k12ssdb.substack.com/p/columbines-monsters-next-door-and>
40. SchoolShooters.info. Transcript of the Columbine "Basement Tapes".
https://schoolshooters.info/sites/default/files/columbine_basement_tapes_1.0.pdf
41. Shepard, A. C. The Columbine shooting: Live television coverage. Columbia University. <https://www.columbia.edu/itc/journalism/j6075/edit/readings/columbine.html>
42. Silva, J. R. (2019). Mass shooting films: Myths, academic knowledge, and popular criminology. *CUNY Academic Works*.
https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1641&context=gc_pubs
43. Slate. (2004, April 20). At last, we know why the Columbine killers did it.
<https://slate.com/news-and-politics/2004/04/at-last-we-know-why-the-columbine-killers-did-it.html>
44. Social Media and Adolescents' and Young Adults' Mental Health. Center for Research. <https://www.center4research.org/social-media-affects-mental-health/>
45. Smith, J. A., & Lee, K. (2025, March). The influence of social media on adolescent mental health and substance abuse patterns. *World Journal of Advanced Research and Reviews*, 24 (2), 253–261.
https://www.researchgate.net/publication/389590784_The_influence_of_social_media_on_adolescent_mental_health_and_substance_abuse_patterns
46. Stopterror. (2023, 25 апреля). Трагедия Уэйко через 30 лет: как смерть членов секты Дэвида Кореша на ранчо «Маунт Кармел» стала символом ультраправых США. *Официальный Интернет-медиа-портал по противодействию терроризму и экстремизму*. <https://www.stopterror.uz/ru/stay/news/26770/?CONTRAST=Y>

47. Tran, A. (2023). Columbine High School Massacre. EBSCO Research Starters. <https://www.ebsco.com/research-starters/history/columbine-high-school-massacre>
48. United States Fire Administration. (1999, April). Wanton violence at Columbine High School (USFA-TR-128). Federal Emergency Management Agency, U.S. Fire Administration, National Fire Data Center. <https://vpc.org/wp-content/uploads/2022/04/Columbine-DHS-report.pdf>
49. U.S. Department of Justice. (1993). Report to the Deputy Attorney General on the events at Waco, Texas: February 28 to April 19, 1993. <https://www.justice.gov/sites/default/files/doj/legacy/2014/09/15/wacorpt.pdf>
50. U.S. Department of the Treasury. (1993, September). Report of the Department of the Treasury on the Bureau of Alcohol, Tobacco, and Firearms investigation of Vernon Wayne Howell, also known as David Koresh. https://www.policinginstitute.org/wp-content/uploads/2018/02/DOT-Report-ATF-Investigation-of-David-Koresh_Sept-1993.pdf
51. Vogazeta. (2018, 7 мая). Что творится в закрытых колумбайн-сообществах, воспевающих подростков-убийц. https://vogazeta.ru/articles/2018/5/7/analitics/3131-chto_tvoritsya_v_zakrytyh_kolumbayn_soobschestvah_vospevayuschiy_podroستkov_ubiyts
52. We're History. (2018, April 20). Columbine and the myth of the school shooter. <https://werehistory.org/columbine-and-the-myth-of-the-school-shooter/>
53. Wessinger, C. (2017). The FBI's "Cult War" against the Branch Davidians. In S. Johnson & S. Weitzman (Eds.), The FBI and Religion: Faith and National Security before and after 9/11 (pp. 203–243). University of California Press. <https://wrlldrels.org/wp-content/uploads/2021/12/Wessinger-FBIs-Cult-War-against-the-Branch-Davidians-with-Notes.pdf>
54. Wikipedia. (2025, September 22). Rick Alan Ross. https://en.wikipedia.org/wiki/Rick_Alan_Ross
55. Wright, S. A. (1999). Anatomy of a Government Massacre: Abuses of Hostage-Barricade Protocols during the Waco Standoff. *Terrorism and Political Violence*, 11(2), 39–68. <https://static1.squarespace.com/static/5e9e46350363786e6df80f81/t/5f0652a42484d00e1b560223/1594249892575/Anatomy+of+a+Government+Massacre.pdf>
56. Воронцова, Н. (2024, 31 августа). Культ «плохих парней». Как расстрел в школе «Колумбайн» оказал влияние на массовую культуру и подростков? Spletnik. <https://spletnik.ru/kult-plokhikh-parney-kak-rasstrel-v-shkole-kolumbayn-okazal-vliyaniye-na-massovuyu-kulturu-i-podroستkov-322174>

57. Всемирная организация здравоохранения. (2025, 8 сентября). Биполярное расстройство. <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/bipolar-disorder>
58. Информационно-консультационный центр св. Ирины Лионского. Главная страница. <https://iriney.ru/>
59. Искандеров, Э. Злоупотребление нейролингвистическим программным обеспечением в целенаправленном воздействии на представителей подрастающего. Киберленинка. <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-neyrolingvisticheskim-programmnyy-obespecheniem-v-tselenapravlennom-vozdeystvii-na-predstaviteley-podrastayuschego>
60. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 4 сентября). Международный скулшутинг: кто и как заставляет детей расстреливать друг друга. <https://actfiles-supporters.org/mezhdunarodnyj-skulshuting-kto-i-kak-zastavlyaet-detej-rasstreliivat-drug-druga/>
61. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 20 сентября) Почему эпидемия скулшутинга продолжается. <https://actfiles-supporters.org/pochemu-epidemiya-skulshutinga-prodolzhaetsya/>
62. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 18 февраля). Massshuting — преступление без наказания. <https://actfiles-supporters.org/massshuting-prestuplenie-bez-nakazaniya/>
63. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 12 августа). Антикультовые ордена на крови детей: нацисты XXI века. <https://actfiles-supporters.org/antikultovye-ordena-na-krovi-detej-naczisty-xxi-veka/>
64. Радио Свобода. (2018, 18 октября). Антигерои Колумбайн: обожатели и подражатели школьных убийц. <https://www.svoboda.org/a/29550192.html>
65. Русская православная церковь. Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). <https://www.patriarchia.ru/org/236>
66. Тагильская епархия. (2020, 13 марта). Известный религиовед Роман Силантьев представит в Екатеринбурге новую книгу по деструктологии. <https://tagileparhiya.ru/izvestnyj-religioved-roman-silantev-predstavit-v-ekaterinburge-novuju-knigu-po-destruknologii/>